

АББАТСТВО ТЕНЕЙ

Себастьян де Каstell

18+

«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Аббатство Теней

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Аббатство Теней / С. де Кастелл — «Эксмо», 2018 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-098999-7

Келлен и белкокот Рейчис теперь сами по себе. И хотя вместе они не раз спасались от смерти, ещё ни разу они не влипали так крепко! Решив добраться до легендарного Аббатства Теней, в котором знают секрет исцеления от Чёрной Тени, они отправляются в путь вместе с незнакомкой, обещавшей помощь. Но во время перехода через безжизненную пустыню девушка показывает своё настоящее лицо. И вот Келлен с Рейчисом оказываются вдали от дома, от людей, в сердце пустыни, без еды, воды и малейшего шанса на выживание...

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-098999-7

© де Кастелл С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Игрушка теней	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	46
Аббатство Теней	50
Глава 17	50
Глава 18	54
Глава 19	57
Глава 20	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Себастьян де Кастелл

Аббатство Теней

Sebastien de Castell

Soulbinder

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Когда мне было семь лет, родители неожиданно забрали меня и брата из школы. Я решил, что произошло нечто ужасное, но наоборот – они преподнесли нам двух щенков. Мы назвали их Леди и Бродяга в честь персонажей самого Великого фильма всех времен. Как ни странно, Бродяга стал «моим» (вернее, я стал «его»). Думаю, множество людей пережили нечто подобное. Не знаю, почему такие события так много значат для нас, но они и вправду много значат. Они значат все.

Игрушка теней

*Надежда – это дивный остров, на берег которого все мы желаем ступить. Но будьте осторожны: когда глаза ваши устремятся к далекому горизонту, не забывайте время от времени смотреть вниз...
Глупая поговорка аргоси*

Глава 1 Проблема песка

Пустыня – лгунья.

О, конечно, издалека эти бесконечные просторы золотого песка выглядят манящими. Стоишь на вершине песчаной дюны, теплый бриз смягчает палящее солнце и манит к ожидающим внизу чудесам. Все, что пожелаешь – невообразимые сокровища, спасение от врагов, возможно, даже лекарство от извилистых черных линий, которые не перестают расти вокруг твоего левого глаза, – какой-нибудь дурак поклянется, что все это ожидает тебя по другую сторону пустыни.

«Опасное путешествие? Возможно, зато какая награда, парень! Подумай о награде...»

Но давайте рассмотрим поближе – я имею в виду, по-настоящему близко – скажем, находясь примерно в дюйме от самого песка. Это легко сделать, когда лежишь на нем лицом вниз, ожидая смерти от жажды. Видишь, как уникальны и неповторимы все до единой песчинки? Они разной формы, размера, цвета... Единое совершенство, которое ты видел раньше – просто иллюзия. Вблизи пустыня грязная, мерзкая и злая.

Как я уже сказал, она вонючая лгунья.

– Это ты вонючий лгун, – проворчал Рейчис.

Я резко вскинул голову. Я даже не осознавал, что говорю вслух. С большим усилием я повернулся, чтобы посмотреть, как поживает мой так называемый деловой партнер.

Я не очень далеко ушел: сказались недостаток еды и воды. Проклятые синяки, оставленные чарами недавно скончавшегося мага, чей смердящий труп гнил на жаре в нескольких футах от меня, тоже не помогали. Итак, я собираюсь потратить остаток жизни на то, чтобы просто сердито глядеть на сварливого двухфутowego белкокота, умирающего рядом со мной?

– Сам ты вонючка, – ответил я.

– Хе, – хихикнул он.

Белкокоты не очень хорошо осознают свою смертность. Однако у них большая склонность сваливать вину на другого.

– Это все ты виноват! – просвистел он.

Я перевернулся, надеясь дать облегчение онемевшему хребту – только для того, чтобы раны на спине протестующе завопили. Боль исторгла сиплый стон из моей пересохшей глотки.

– Не пытайся это отрицать, – сказал Рейчис.

– Я ничего не отрицаю.

– Нет, отрицаешь. Ты хныкал, и я услышал: «Но, Рейчис, откуда я мог знать, что веду нас в смертельную ловушку, расставленную моим же народом? То есть ты, конечно, предупреждал меня, что эта болтовня о тайном монастыре в пустыне, монахи которого могут вылечить меня от Черной Тени, – жульничество, но ты же знаешь меня, я идиот. Идиот, который никогда не слушает своего более умного и куда более красивого делового партнера».

На тот случай, если вы никогда не видели белкокота – вообразите сердитую кошачью морду, слегка пухлое тело, непокорный косматый хвост и странные мохнатые перепонки

между передними и задними лапами. С помощью этих перепонки он может планировать с верхушек деревьев, убивая свою добычу. «Красивый» – не то слово, которое приходит на ум, когда на него смотришь.

– Ты разобрал все это из хныканья? – спросил я.

Пауза.

– У белкокотов отличная интуиция.

Я сделал неровный вдох; жар песка обжигал мне легкие. Как долго мы тут пролежали? День? Два дня? Я потянулся к нашей последней фляге с водой, подтащил ее ближе и собрался с силами, сознавая, что мне придется поделиться остатком воды с Рейчисом. Говорят, без воды можно прожить три дня, но это только если пустыня не высасывает из тебя влагу, как... как чертов белкокот! Во фляге не осталось ни капли воды.

– Ты выпил нашу последнюю воду?

Рейчис раздраженно ответил:

– Я сперва спросил.

– Когда?

Еще одна пауза.

– Когда ты спал.

Очевидно, пустыня была не единственным лгуном, с которым мне приходилось спорить.

Мне семнадцать лет от роду, я изгнан своим народом, меня преследовали все магии и наемные маги с двумя заклинаниями и плохими манерами, и остатки моей воды только что украли существо, больше всего походившее на друга.

Меня зовут Келлен Аргос. Некогда я был многообещающим посвященным и членом одной из самых могущественных семей на территориях джен-теп. Потом вокруг моего левого глаза появились извилистые черные отметины загадочной болезни, известной как Черная Тень. И теперь люди называют меня изгоем, предателем, изгнанником – это когда хотят проявить вежливость. Единственная характеристика, которую я никогда не заслуживал, – везунчик.

– Конечно, я знаю место, – сказала старая разведчица.

Ее разные глаза – светло-коричневый и зеленый – не отрывались от пыльного кожаного кошелька с медными и серебряными безделушками, который лежал между нами на столе. Кроме нас на нижнем этаже таверны для путешественников никого не было, если не считать пары вырубившихся пьянчуг в дальнем углу и одного печального парня, который сидел в одиночестве и снова и снова перекачивал пару костей, плачась своему элю, что он самый невезучий на свете.

Что ты знаешь о невезении, приятель.

– Вы можете отвести меня туда? В этот монастырь? – спросил я, выкладывая карту на стол картиной вверх.

Разведчица взяла карту и прищурилась, на изображенные на ней темные башни.

– Хорошая работа, – сказала она. – Ты сам это нарисовал?

Я кивнул. За последние шесть месяцев мы с Рейчисом пересекли полконтинента в поисках лекарства от Черной Тени. Мы здесь и там собирали улики, короткие каракули на полях неясных текстов, упоминающих о тайном убежище, слухи, которые бесконечно повторяли пьяные в тавернах вроде этой.

Аргоси рисуют карты важных людей и мест, дополняя рисунки обрывками любой собранной информации в надежде, что получившиеся изображения явят свое скрытое при других обстоятельствах значение. Я и сам занялся рисованием. Если я погибну в поисках лекарства, всегда есть шанс, что карты попадут в руки аргоси, а потом – к Фериус Перфекс, чтобы она поняла: можно не трудиться, разыскивая меня.

Старая разведчица швырнула карту обратно на стол, словно делая ставку.

– Место, которое ты ищешь, называется Эбеновым аббатством, и – да, я могла бы отвести тебя туда... Если бы мне захотелось.

Улыбка натянула обожженную солнцем кожу на ее выпуклом лбе и вокруг глаз. Лицо разведчицы напоминало карту давно забытой страны. Наверное, ей было далеко за шестьдесят, но куртка без рукавов демонстрировала похожие на веревки мускулы на плечах и руках. Вкупе с ассортиментом ножей в ножнах на португее, пересекающей грудь, и арбалетом, пристегнутым за спиной, эти мускулы говорили, что разведчица скорее всего прекрасно может постоять за себя в бою. Из-за того, как она продолжала пялиться на мешок с безделушками на столе, не обращая на меня особого внимания, становилось яснее ясного, что я не произвел на нее схожего впечатления.

До сих пор поиски чудодейственного лекарства не были особо выгодным предприятием. Все до единого монеты, которые я заработал в своих путешествиях как меткий маг, ушли торговцу змеиным маслом, продававшему вонючие отвары; из-за них меня несколько дней потом тошнило и рвало. Теперь моя износившаяся в дороге рубашка свободно болталась на тощем теле, с лица и груди еще не сошли синяки и царапины, оставшиеся после последней встречи с парой наемных магов джен-теп. Так что я понимал, почему мой вид вряд ли мог внушить разведчице трепет.

– Она думает о том, чтобы избить тебя и забрать твои деньги, – сказал Рейчис, поведив носом у меня на плече.

– Эта тварь не кролик, так? – спросила разведчица, бросив на него настороженный взгляд.

Ее народ не понимал посвистывания, рыков и временами – пуканья и других штук, с помощью которых общался Рейчис.

– Я все еще пытаюсь это выяснить, – ответил я.

Белкокот издал низкое рычание:

– Ты же знаешь, что я могу запросто вырвать твои глаза из глазниц и сожрать, пока ты будешь спать, верно?

Он спрыгнул с моего плеча и направился к двум пьянчугам в углу – без сомнения, чтобы проверить, удастся ли обшарить их карманы.

– Спроси тех, кому ведомы истории, – начала разведчица напевным голосом, – и тебе расскажут, что никто, кроме семи чужаков, никогда не бывал за стенами Эбенового аббатства. Пятеро из них мертвы. Один, пристрастившийся к сонной траве, не смог бы найти обеими руками собственный нос, не говоря уж о тайном монастыре, укрытом в пустыне.

Она потянулась к небольшому кошельку, в котором лежали все оставшиеся у меня ценности.

– Значит, есть только я.

Я завладел кошельком первым. Может, с виду я и не очень, но у меня проворные руки.

– Мы еще не договорились об условиях.

Впервые разномастные глаза разведчицы встретились с моими. Я попытался ответить на ее сердитый взгляд таким же, но, когда на тебя таращатся глаза разного цвета, это нервирует.

– Зачем ты вообще хочешь встретиться с черными связывателями? – спросила разведчица.

Ее взгляд скользнул к моему левому глазу, и я понял, что она заметила легкое изменение цвета кожи там, где тональная паста месдет доходила до моей скулы.

– У тебя же нет Черной Тени, а?

– Черной... чего? – спросил я. – Никогда о такой не слышал.

– Ну, а я слышала, что ватага чародеев джен-теп щедро заплатит за того, кого проклял демон. Есть один парень, за которым они уже некоторое время охотятся... Во всяком случае, я слышала о таком.

– Ничего об этом не знаю, – сказал я, пытаюсь вложить в свои слова намек на угрозу. – Как я уже сказал, я просто пишу книгу о загадочных пустынных монахах.

– Большая награда, много денег. Может, больше, чем в этом твоём кошельке.

Я убрал руки с кошелька, и мои пальцы скользнули вниз, чтобы раскрыть мешочки, привязанные к поясу справа и слева. В них были порошки – красный и черный. Я использовал их для одного известного мне заклинания, которое всегда производило впечатление.

– Знаешь что? – небрежно спросил я. – Теперь, когда ты об этом упомянула, думаю, я вроде как слышал о той награде за Черную Тень. Говорят, многие опасные люди пытались ее заработать. Остается только гадать – что же такое со всеми ними случилось?

Краешек рта разведчицы приподнялся в ухмылке. Теперь я увидел, что ее руки ухитрились извлечь пару изогнутых ножей.

– В свое время я встречалась со множеством опасных мужчин. Ни один не произвел на меня большого впечатления. Чем ты-то от них отличаешься?

Я ответил улыбкой на улыбку:

– Обернись.

Она не обернулась, вместо этого наклонила чуть-чуть один из ножей, пока клинок не отразил некоего белокота, который исподтишка прокрался на верхушку вешалки за ее спиной и теперь ожидал сигнала к прыжку.

Да, иногда маленький мошенник бывает полезен.

Я сделал три полных вдоха и выдоха, прежде чем старая разведчица медленно положила ножи на стол.

– Похоже, ты пишешь распрекрасную книгу, мой юный друг.

Она ухватила мой кошелек с побрякушками и встала из-за стола.

– Нам лучше запасти провизию в городе, прежде чем мы отправимся в путь.

Я подождал еще немного, всеми силами стараясь показать, что еще не решил – нанять ее в проводники или испепелить. Но, по правде говоря, я ждал, пока сердце перестанет так сильно колотиться.

– Далеко ли до аббатства? – спросил я.

Она поправила ремень, на котором висел арбалет, и сунула ножи в ножны.

– Далеко, как обычно, но не беспокойся – ты будешь наслаждаться путешествием.

– В самом деле?

Она ухмыльнулась:

– Люди толкуют, что Золотой Проход – самое спокойное, самое красивое место, какое когда-либо можно увидеть.

Глава 2

Достоинства трупов

Слабые царапающие звуки вернули меня к моему нынешнему затруднительному положению. Я слегка приоткрыл один глаз, смутно ожидая, что меня ослепит отражение солнца в мерцающем золотистом песке. Вместо этого меня приветствовали сумерки и жгучий холод. Следовало бы ожидать, что днем в таком жарком месте, как Золотой Проход, ночью будет умеренная температура. Но нет, между превращением зноя в ледяной холод оставался едва один теплый час.

Но царапанье продолжалось – так близко, что я похлопал себя по уху, боясь, что в него забирается какое-то насекомое. Когда похлопывание не решило проблемы, я с усилием приподнял голову настолько, чтобы повернуться к источнику непрекращающегося шума. Рейчис устало полз по песку.

«Он пытается добраться до меня», – подумал я.

Сквозь холод и отчаяние пробилась нежность. Несмотря на все наши ссоры, мы с белкокотом спасали друг другу жизнь больше раз, чем каждый из нас смог бы сосчитать; а теперь он хотел умереть рядом со мной.

Я протянул руку – только для того, чтобы обнаружить, что он не приближается. Вообще-то он уползал от меня прочь.

Я упоминал, что белкокоты – неблагодарные маленькие бесстыдники? Мой так называемый деловой партнер не тратил последнюю унцию сил, чтобы мы могли вместе встретить конец; это не было неким последним оплотом нашей дружбы. Нет, вместо этого мохнатое чудовище медленно пробиралось к труп боевого мага.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Ответа не последовало.

Рейчис просто продолжал дюйм за дюймом ползти к своей цели. Когда он, наконец, лег у головы трупа, пытая и задыхаясь, я встревожился – не спятил ли белкокот и не принял ли мертвеца за меня. Дрожащей лапой он потянулся к немигающим глазам мага, которые слепо тарасились в темнеющее небо. И тут я понял, что задумал Рейчис.

– О, во имя всех моих покойных предков, – выругался я, – скажи, что ты не собираешься...

С проворством, порожденным практикой – обширной практикой, – Рейчис пустил в ход когти, чтобы выпарпать глаз человека. Потом широко открыл пасть, уронил в нее отвратительный вязкий шарик и раскусил.

– О, – восторженно простонал он, – как вкусно.

– Ты омерзительен, ты это знаешь?

Я не уверен, что те слова и вправду слетели с моих губ. Именно в этот момент я потратил скудные остатки своих сил, чтобы стошнить.

– Вкуснятина, – пробормотал он, жуя, а потом шумно сглотнул.

Мало кто знает, что у белкокотов есть всего одна, но еще более отвратительная привычка, чем манера поглощать пищу – после трапезы они упорно смакуют подробности вслух.

– Знаешь, – начал Рейчис с довольным вздохом, – я мог бы побеспокоиться, что не смогу переварить глаз, поскольку лицо парня сгорело и все такое, но он оказался идеальным. Немного хрустящим снаружи и мягким и теплым внутри.

Он протянул лапу к другой стороне лица покойника.

– Хочешь левый? – спросил он, сопроводив предложение негромким рыком, чтобы дать понять: он не серьезно.

– Я – пас. Разве из-за этого тебе не захотелось еще сильнее пить? Мы скорее всего умрем от недостатка воды, чем зачихнем от голода.

– Веский довод.

Рейчис подтащился ближе к груди человека: после нашей дуэли большая рана в ней оставила лужу крови. Белкокот начал лакать кровь. Он приостановился, заметив, что я в ужасе тарашусь на него.

– Наверное, тебе тоже надо попить, Келлен. В ней должна быть какая-то вода, верно?

– Я не пью кровь. И не ем глаза.

Белкокот саркастически зарычал:

– О, верно, потому что твои кулинарные пунктики важнее нашего выживания.

Я не смог придумать подходящего ответа. Судя по всему, Рейчис прав. Я понятия не имел, способен ли человек и вправду получить из крови достаточно влаги, чтобы это изменило положение вещей, или меня просто стошнит? В любом случае я не смог заставить себя выяснить это, поэтому просто полежал несколько минут, ничего не делая, только слушая, как Рейчис с энтузиазмом лакает. Закончив пить, он лег на бок и окликнул меня:

– Келлен?

– Да?

– Я понимаю, тема вроде щекотливая, но...

– Что?

– Ну, когда ты умрешь, ничего, если я съем твой труп? – И он торопливо добавил: – Я имею в виду – будет лучше, если один из нас выживет, верно?

Собрав немного из оставшихся сил, я отвернулся от него, перекатившись на спину, – плевать на боль, вспыхнувшую в ранах. Я не хотел, чтобы последним, что я увижу в этом мире, стала залитая кровью морда белкокота, размышляющего, что съесть сначала – мои глаза или мои уши.

Высоко над головой, за пределами мелочных забот жалких смертных, оживали тысячи крошечных искр. Хотя Золотой Проход был засушливой, непригодной для обитания адской дырой, ночное небо здесь могло устроить настоящее шоу. Я сделал вдох, но мое горло перехватил болезненный спазм – рефлекс, вероятно, вызванный тем, что я слишком долго обходился без воды.

«Я здесь умру».

Слова вторглись в мой разум так же внезапно и с такой же силой, как железные связывающие чары.

«Я и вправду умру этой ночью, убитый каким-то засранцем, наемником джен-теп и собственной глупостью».

Я почувствовал, что начинаю плакать, и поднял руки, чтобы дрожащими пальцами вытереть слезы, которых не было. Наверное, я всхлипнул, потому что Рейчис застонал.

– О, великолепно, ведь проливание слез непременно поможет сберечь воду.

Белкокоты не очень понимают, что такое сочувствие.

Обычно, когда я попадаю в беду, мое выживание зависит от своевременного прибытия некой рыжеволосой картежницы по имени Фериус Перфекс. Я буду стоять на коленях, умоляя какого-нибудь чокнутого, у которого случайно оказалось средство против Черной Тени, в ожидании клинка (или палицы, или арбалета, или заклинания огня, или... в общем, вы ухватили мысль), когда совершенно внезапно появится она.

– М-да, разве вы двое не выглядите такими же нервными, как два склочных хорька, дерущихся из-за папоротника, – скажет она.

Вообще-то она никогда не говорит именно это, но обычно нечто столь же нелепое.

– Не осмеливайся вмешиваться, аргоси, – закричит в ответ маг (или солдат, или наемный убийца, или случайный раздражительный тип).

Фериус на полдьюма сдвинет повыше свою шляпу, сунет руку в карман жилетки, чтобы достать курительную соломинку, и скажет:

– Я далека от того, чтобы вмешиваться, друг, но почему-то привыкла к этому тощему парнишке, которого ты, похоже, собираешься разделать. Придется любезно попросить тебя отвалить.

А потом? Ну, драка-драка-драка, умная реплика, верная смерть, почти невозможный дерзкий подвиг, враг лежит, последняя умная реплика – обычно в мой адрес, – после чего я спасен. Так бывало с тех пор, как я покинул родные земли в свой шестнадцатый день рождения.

Только теперь все было по-другому. Шесть месяцев назад я бросил Фериус, мою наставницу на пути аргоси, и Нифению, которую некогда любил. Бросил, потому что выяснил: мой народ никогда не перестанет преследовать меня и всех, кто рядом со мной, пока у меня Черная Тень. Поскольку извилистые черные метки вокруг моего левого глаза не собирались тускнеть, мне оставалось либо оставить двух самых близких мне людей, либо рисковать тем, что враги убьют их в попытке добраться до меня. Как больно мне ни было уходить, по крайней мере, я чувствовал себя вроде как благородным.

Примерно шесть месяцев.

Проблема благородства и самопожертвования заключается в том, что, когда ты попадаешь в переплет – скажем, когда на руках мага-ищейки джен-теп светятся металлические татуировки благодаря всей магии, которую он призвал, чтобы тебя убить, – некому прийти на выручку.

– Эй, Келлен? – позвал Рейчис необычно нерешительным тоном.

– Да, ты можешь съесть меня, когда я умру. Теперь ты счастлив?

Минута молчания, потом:

– Нет, я просто думал – как по-твоему, маг говорил правду?

– Насчет чего?

– Когда сказал, что убил Фериус.

Глава 3

Проблема чар

Я подозревал, что старая разведчица убьет нас в ту же минуту, когда заведет в пустыню, подальше от любопытных глаз. Мы с Рейчисом по очереди наблюдали за ней, днем и ночью, пока тащились вверх и вниз по одной песчаной дюне за другой. Но оказалось, что мы тратили силы не на того человека, потому что разведчица хоть и в самом деле привела нас в ловушку, ее устроила не она.

Среди множества прочих способов, которыми досаждают пустыня, – это отражающийся в песке свет, дурачащий твои глаза. Иногда вдалеке видится мерцание, в точности похожее на заклинание щита джен-теп. Ты готовишься сражаться, защищая свою жизнь, – только для того, чтобы твоя зловредная проводница посмеялась над тобой, потому что ты пугливый, как тэдпадлер.

Понятия не имею, кто такие тэдпадлеры. Наверное, они очень пугливые.

Каждый раз, когда я психовал из-за миража, старая разведчица подъезжала к мерцающей дымке, сжимая в руках свои кривые ножи и кричала:

– Сразись со мной, пустозвон!

Это казалось ей ужасно смешным вплоть до того момента, когда одно из размытых мерцаний выплонуло молнию магии огня, которая ее испепелила.

Мы с Рейчисом к тому времени были так измучены, что едва успели упасть на землю, прежде чем к нам устремилась другая молния. Оказалось, что целились даже не в нас: магия огня была направлена на наших лошадей. Они умерли милосердно быстро. К несчастью, с ними исчезли и припасы, необходимые для того, чтобы протянуть еще одну неделю в пустыне.

– Сколько? – спросил широкоплечий маг, сбросив маскирующие чары.

Исчезновение укрывающих заклинаний не было особенно впечатляющим, и я стал надеяться, что парень полагается на амулет, а сам по себе не такой уж могущественный. Может, у него, как и у меня, всего одна татуировка.

– Что – сколько? – спросил я, встав и небрежно потянувшись к своим порошкам.

– Сколько моих товарищей-магов ты убил, Черная Тень? Сколько наших людей погибло, пытаясь привлечь тебя к суду?

Я поразмыслил над вопросом.

– Девять, – солгал я, потом поправился: – Вообще-то теперь десять.

И швырнул перед собой красный и черный порошки. Как раз перед тем, как они соединились, я сделал магический жест: указательный и средний пальцы направлены на мою цель в знаке повеления; безымянный палец и мизинец прижаты к ладони жестом сдерживания, а большие пальцы смотрят в небо (я как никогда приблизился к тому, чтобы молить предков о помощи).

– Караф! – нараспев произнес я.

Взрыв сотряс воздух между нами. Два языка пламени – черное и красное – обвили друг вокруг друга, как змеи, с ревом устремившись к моему врагу. Мгновение спустя пламя погасло, разбившись о его заклинание щита.

«Похоже, этот парень зажег больше одной татуировки».

– Ты и вправду ожидал, что это сработает? – спросил он.

– Нет, но теперь я готов, а ты не можешь метнуть еще одну огненную молнию, не уронив щита.

Мои руки заскользили к мешочкам, висящим на поясе.

– Хочешь проверить, кто быстрее?

– Хе-хе-хе, – захихикал Рейчис.

– Что? – спросил я.

– Ничего. Просто смешно, когда ты пытаешься говорить, будто ты крутой.

– Ты не помогаешь.

Мой противник внимательно наблюдал за мной, оценивая меня так же, как я оценивал его. Он был юным, немногим старше двадцати. Обычно, когда речь заходит о магах, я могу рассчитывать на то, что такие молодые примут мой вызов, но он не потрудился создать еще одно заклинание огня. Вместо этого он отбросил с глаз волосы цвета меди и, удерживая одной рукой заклинание щита, поднял другую так, чтобы я увидел на одном из его пальцев необычно длинный ноготь. Медленным, обдуманым движением он воткнул ноготь в свое запястье и провел яркую линию дюймов шести длиной, оставив на руке алый след.

Рейчис сел на задние лапы, облизывая губы.

– Разве это не наша работа – пускать ему кровь?

– Магия крови, – прошептал я, проклиная свое невезенье. – Почему это должна быть магия крови?

Если бы парень был берабеском, я мог бы принять его за одного из сумасшедших правоверных, которые наколдовывают щиты с помощью собственной крови, но он был джен-теп, как и я, что означало, что дела обстоят намного хуже, чем я думал.

– Тебе бы хотелось узнать, как я тебя нашел, Черная Тень? – спросил он.

Явный джен-теп. Мой народ всегда ощущает жгучее желание заговорить тебя до смерти, прежде чем на самом деле убить.

– Я, наверное, зажигаю сигилы магии песка, – ответил я, – потому что предчувствую, что ты собираешься мне сказать.

– До нас дошли слухи о том, что меткий маг-изгой странствует вдоль и поперек континента в поисках лекарства, что, конечно, нелепо, поскольку каждый знает, что лекарства от Черной Тени не существует. Но я был уверен, что упомянутый дурак – некто иной, как Келлен из дома Ке, самый печально известный предатель в истории нашего народа.

Вряд ли это было честно. Я не мог быть известнее, чем второй или третий из печально известных.

– Значит, ты решил заслужить собственное имя в исторических книгах?

– Это было нелегко.

Он показал на серебряные знаки вокруг полей моей черной шляпы жителя приграничья.

– Эти чары вуали удивительно эффективны.

Что ж, рад был узнать. Я украл шляпу у своего собрата – меткого мага по имени Дексан Видерис в качестве компенсации за то, что он пытался меня убить. Я никогда не был уверен, насколько надежно шляпа отражает отслеживающие чары.

Маг постучал себя пальцем по виску:

– А потом мне пришло в голову вот что: изгнанник Черная Тень бежит от правосудия джен-теп, зная, что его удача рано или поздно закончится. Может ли отчаяние послать его на поиски нелепой старой легенды об Эбеновом аббатстве? – Он посмеялся над этим названием: – А тебе не приходило в голову, что, если бы такое место когда-нибудь существовало, наш народ давно уничтожил бы его?

Маг оглядел пыльно-желтую пустыню, которая окружала нас со всех сторон.

– Что ж, ты нашел свое таинственное святилище. Сюда так называемые разведчики приносят зараженных. Они перерезают им глотки и оставляют умирать, чтобы трупы их пожрали хищники, а кости дочиста выбелил ветер и они погрузились в песок, уступая место следующему бедному дураку.

– Что я тебе говорил? – прорывал мне Рейчис, а потом пробормотал: – Легковерный идиот.

Все еще поддерживая одной рукой фигуру щита, маг перевернул другую и сжимал кулак до тех пор, пока капли крови не упали на землю, отчего золотистый песок у его ног стал темно-красным.

- Что он делает? – спросил Рейчис.
- Думаю, призывает кровавый облик, – ответил я.
- Похоже, дело плохо. Как будем сражаться?
- Я работаю над этим.

Шерсть белкоката изменила цвет, сделавшись такой же, как струящийся к нам красный песок, и заставив Рейчиса слиться с окружающей средой. Мускулы его задних лап вздулись.

- Итак, мне, наверное, стоит удрать?
- Да.

Рейчис рванул с такой скоростью, с какой лапы могли его нести. Я на него не обижался. Как он часто напоминал, в один прекрасный день наше везение неизбежно закончится. Нет смысла погибать нам обоим. Я бы тоже сбежал, но к тому времени кровь мага глубоко впиталась в песок, и несколькими эзотерическими слогами он завершил свое колдовство. Заклинание ожило, и ожила пустыня вокруг меня.

Повелитель крови – потому что это определенно был он – поднял окровавленную руку и потянулся ко мне. Тысячи фунтов песка взмыли в воздух, принимая точную форму его руки, только в сто раз больше. Когда он схватил пальцами воздух перед собой, созданная им песчаная форма в точности повторила жест, схватив меня и подняв на десять футов над землей.

Маг зашагал ко мне с небрежной самоуверенностью того, кто тщательно спланировал засаду и теперь подошел к кульминации.

– Странно, – сказал он, театрально оглядевшись по сторонам. – Разве в этот самый миг некая надоедливая аргоси не должна явиться и спасти тебя?

– Дай ей минутку, – ответил я. Теперь блеф уже не мог навредить. – Когда мы увидели твои жалкие и заметные маскирующие чары, Фериус отправилась за своими остальными друзьями-аргоси. Наверное, они сыграют партию в покер, решая, кто первым надерет тебе задницу.

Свободной рукой маг дотянулся до складок своей мантии и вытащил игральную карту. Темно-красные линии изящно украшали лицевую поверхность: рука с семью шипами в ладони. Я немедленно узнал одну из долговых карт Фериус – тех, которые она хранила как напоминание о каждом долге, накопленном ею за годы. Только эта карта была в пятнах более темного цвета.

– Кровь аргоси сделала мой маленький сувенир ужасно липким. Боюсь, остальная колода полностью уничтожена.

– Ты блефуешь, – сказал я, тщетно стараясь вырваться из пленившей меня гигантской песчаной руки. – Фериус Перфекс слишком умна, чтобы ее поймал тупой...

Маг поцокал языком, заставив меня замолчать.

– Не будь так строг к памяти своей погибшей подруги. Даже она не могла надеяться перехитрить нас всех. Семьдесят семь магов.

– Семьдесят семь...

От этого числа у меня перехватило дыхание. А может, просто песчаная рука сдавливала мои легкие.

Маг торжествующе уставился на меня:

– Трибулаторы. Сковыватели. Повелители света. Боевые маги. Невидимые. Нас семьдесят семь, Келлен. Настоящий военный отряд. – Он самодовольно ухмыльнулся: – Хотя, кажется, аргоси назвала его... Какое забавное имечко она нам дала? «Ватага»?

«Ватага» – именно такое слово произнесла бы Фериус.

– Теперь я знаю, что ты лжешь, – сказал я. – Военный отряд не собирали три сотни лет. Ни у одного Верховного Мага клана нет такого влияния, чтобы...

Но, едва заговорив, я понял, что ошибаюсь.

Хотя заставить магов джен-теп прийти к согласию по какому-либо вопросу – это все равно что пасти множество злых, владеющих чарами котов, один человек, вероятно, смог бы такое проделать. Недавно возвысившийся Верховный Маг моего клана, чьих интриг и манипуляций как раз хватило бы для того, чтобы объединить ради его дела семьдесят семь лорд-магов.

По моему лицу Повелитель крови, должно быть, заметил, что во мне просыпается отчаяние.

– Ке-хеопс, – подтвердил он, – лорд дома Ке. Твой отец.

Тонкие губы захихикали:

– Ты и вправду был ужасно непослушным сыном, не так ли?

– Он бы этого не сделал! Не сделал просто для того, чтобы меня убить!

– Что говорит старая пословица? «Сильнее любви отца только его гнев».

Я никогда не слышал того, что он процитировал, но пословица идеально описывала Ке-хеопса.

– Если это улучшит твоё настроение, – продолжал Повелитель крови, – дело не только в тебе. Лорд Ке-хеопс подал прошение кланам провозгласить его Верховным Магом всего нашего народа, но они – пока – ничего не решили. Поэтому он попросил семьдесят семь магов присоединиться к нему в великом походе. Он стремится доказать, чего стоит, выслеживая всех до единого оставшихся Черных Теней на континенте...

Повелитель крови поднял палец, и часть громадной созданной им руки потянулась вверх, чтобы осторожно прикоснуться к черным меткам вокруг моего левого глаза.

– ...начиная с собственного сына.

Маг продолжал смотреть на меня, словно ожидая ответа, но, когда я попытался заговорить, он слегка сжал кулак, и у меня перехватило дыхание.

– Ты должен гордиться им, Келлен! С тех пор как мы избавили мир от вторжения племен медеков, наш народ никогда еще не был таким единым.

Маг, помолчав, добавил:

– Что ж, полагаю, мы пропустили кое-где одного-двух оставшихся медеков.

«Фериус, – подумал я. – Он знает, что Фериус – медек!»

– Она умерла за тебя, – сказал Повелитель крови негромко, почти утешающим тоном. – Дюжина наших людей распространили слух, что тебя поймали недалеко отсюда и члены твоего клана собираются, чтобы судить тебя и казнить. Аргоси решила, что должна освободить тебя прежде, чем появятся остальные. Она угодила прямоком в ловушку. Вот как мы ее схватили, Келлен. Вот почему ее труп сейчас гниет. Непогребенный. В ожидании, когда пожиратели падали избавят мир от воню.

Он подошел ближе и швырнул в меня карту. Она ударила меня по щеке, прежде чем упасть на землю.

– Хитро придумано, не правда ли, Черная Тень?

Бессильная ярость поднялась во мне, и я, как дурак, стал еще отчаяннее бороться с несокрушимой хваткой его песчаной магии.

«Прекрати, – приказал я себе. – От гнева сейчас никакого толка. Думай, проклятье! Думай!»

К несчастью, не только у меня были проблемы с гневом. Воздух вспорол разъяренный вой Рейчиса.

– Паршивый голокожий джен-теп!

Краешком глаза я увидел, как белкокот прыгнул на мага, выставив клыки и когти, чтобы рвать врага. Но Повелитель крови был сообразительным – и подготовился к этому. Наверное, он знал о Рейчисе, так же как знал о Фериус, поэтому ожидал нападения белкокота. Ладонь его раскрылась, и песчаная фигура сделала то же самое, уронив меня на землю. Потом он небрежно хлопнул воздух, и его магия крепко ударила Рейчиса, отбросив его футов на двадцать, где

белкокот упал без сознания. Не успел я добраться до своих порошков, как маг потянулся ко мне и снова сомкнул кулак. И вновь лишил меня способности двигаться.

– Девять магов, – сказал он голосом, полным яда, сжимая мою грудную клетку так, что она могла вот-вот треснуть. – Девять хороших мужчин и женщин уничтожены только потому, что у тебя не хватило смелости встретить свою судьбу.

– В свою защиту могу сказать, – простонал я, силясь сделать вдох, – то была не особо привлекательная судьба.

Он засмеялся, подходя ближе, совсем немного ослабив свою песчаную хватку.

– Я поневоле восхищаюсь противником, который отпускает шутки до самой смерти. Фериус Перфекс тоже так делала.

– Да? – спросил я, стараясь передвинуть руки так, чтобы хотя бы откинуть клапаны своих мешочков.

Я не надеялся швырнуть порошки в воздух – не говоря уж о том, чтобы создать направляющую их магическую фигуру – но теперь у меня созрел новый план. Он был подлым, коварным и даже жестоким. И это делало его еще более привлекательным.

– Жаль, тебя не было, когда я изничтожил тех девяти магов, потому что это было по-настоящему весело.

Его губы изогнулись в уродливой гримасе. Он на мгновение высоко поднял руку, а потом снова ее опустил, швырнув меня на землю и выбив воздух из моей груди.

– Ты потешаешься над смертью своих соотечественников? – спросил он. – Разве даже изгнанник вроде тебя не должен понять, как мало среди нас истинных магов? И как многочисленны наши враги?

Трясаясь от праведной ярости, он заставил песок собраться в массивный кулак и обрушил его на меня, как молот.

Тут мне и полагалось бы умереть, но песчаная фигура была не такой прочной, как раньше. Она разбилась о мои плечи, рассыпалась и чуть меня не похоронила. Удар получился чертовски болезненным, но выдал, как ненадежна концентрация моего противника.

Я выплюнул песок.

– Они мне не соотечественники. Они – шайка головорезов, которые прячутся за заклинаниями, потому что слишком трусливы, чтобы замарать руки.

– Грязная Черная Тень! – закричал он и ударил тыльной стороной кулака, парой тонн песка.

Но фигура снова рассыпалась, прежде чем сумела серьезно меня ранить. Тем временем большая часть порошка рассыпалась из моих мешочков в остатки этой песчаной формы.

Я с трудом поднялся и улыбнулся своей самой широкой улыбкой, больше всего напрашивающейся на пощечину:

– Не хочу опережать события, друг, но, похоже, твои драгоценные заклинания разваливаются на части.

В ответ он самодовольно ухмыльнулся:

– Вот как ты думаешь? Что можешь заставить меня потерять контроль над собственной магией? Позволь показать тебе разницу между метким магом-дилетантом и истинным магом.

Он вытянул руку ладонью вверх, и песок поднялся в воздух, чтобы принять форму, которую ему повелели принять. Маг начал смыкать пальцы, наблюдая, как я ожидаю своей смерти. Но ожидать смерти всегда было не в моем стиле. На самом деле я ожидал чего-то совершенно другого.

«Ну давай, – молча умолял я. – Покажи мне, какой ты крутой. Создай большой симпатичный кулак, чтобы меня прихлопнуть».

Металлические красные и серые татуировки на его предплечьях, означавшие кровь и железо, ярко засияли, когда он сосредоточил свою волю, сжимая кулак еще крепче. Песчаная

форма становилась все плотнее и плотнее по мере того, как он готовился обрушить ее на мою голову.

– Скажешь последние слова? – спросил он.

Мне хотелось бы ответить: «Всего одно слово – засранец», – но это означало рискнуть, что мое заклинание не сработает вовремя. Я придержал язык и наблюдал в ожидании знака. Когда знак не появился незамедлительно, я испугался, что порошков в песке слишком мало и не хватит, чтобы вспыхнуть. Но потом я увидел первые красивые искры, поднимающиеся из песка, когда смешавшиеся с ним порошки соединились друг с другом.

– Караф, – произнес я.

Маг широко распахнул глаза, слишком поздно заметив вспышку света и увидев магические жесты, которые делали мои руки. Двойное пламя, красное и черное, несущее всю ярость сотни преисподней, набросилось на него, завертелось вокруг. Рефлекс заставил его оставить свое заклинание крови и отчаянно попытаться создать щит. Но было слишком поздно, потому что к тому времени песок вокруг нас взорвался. Я ощутил жар, и взрыв швырнул меня в воздух.

Я почти наверняка на секунду-другую потерял сознание, потому что, когда открыл глаза, лежал лицом вниз. Не в силах встать, я пополз на четвереньках к своему врагу; вонь вела меня не хуже, чем зрение – все расплывалось у меня перед глазами.

В конце концов добравшись до него, я с удивлением увидел, что он и вправду сумел создать щит. К несчастью для него, заклинание сработало только частично, когда ударило пламя. Вместо того, чтобы зажариться до угольков, его тело теперь походило на лоскутное изделие: куски нетронутой кожи соседствовали с участками сожженной плоти цвета пепла. Из раны на груди текла кровь, обильно и слишком быстро, чтобы я или кто-нибудь еще мог остановить кровотечение.

– Десять, – сказал он, выплюнув кровь вместе с этим словом. – Десять твоих соплеменников. Гордишься собой?

– Почти никогда, – ответил я.

Он засмеялся, хотя на глаза его навернулись слезы, противореча проклятию, которое он потом пробормотал:

– Моя смерть не принесет тебе ничего, кроме страданий. Другой займет мое место, и еще один, если тот падет. Семьдесят семь магов будут преследовать тебя до тех пор, пока пустыня не покраснеет от твоей крови. Слышишь, как звенит их поступь, меткий маг?

В его бравате и презрении была ужасная печаль, как будто он наблюдал, как все его мечты стать великим магом (мечты, которые некогда разделял и я) рухнули, как песчаные замки. Его тоска наполнила меня стыдом за то, что я собирался сделать дальше, но я все равно это сделал. Я схватил его за плечи и сжимал до тех пор, пока он не вздрогнул от боли.

– Скажи, что случилось с Фериус Перфекс. Ты сказал, что убил ее. Ты солгал?

Его губы дернулись, я даже не был уверен, что он меня услышал. Потом он выплюнул неровный смешок и вместе с ним – еще кровь:

– Я сказал, что убил ее? Может, она спаслась. Может, я вообще никогда ее не находил. Умоляй меня сказать правду, и я смогу вспомнить.

Я снова его затряс:

– Пожалуйста! Скажи мне, она...

Мой враг встретил смерть с тихим выдохом, который донес его последние слова:

– Страдай, Черная Тень.

Глава 4

Дилемма умирания

Прошли день и ночь, прежде чем я и Рейчис смогли проползти еще несколько шагов, не потеряв сознание от боли. Мы оба были измучены и полумертвы. Застрять в пустыне без проводника и припасов... Скоро это сделает нас полностью мертвыми.

– Знаешь, о чем я думаю? – спросил Рейчис, разбудив меня: я неуклонно погружался в сон, от которого вряд ли бы очнулся.

Я с усилием разомкнул веки. Первый проблеск оранжевого рассвета оттеснял темноту. Скоро снова начнет возвращаться жара.

– О чем?

– Когда маг спросил, скажешь ли ты последние слова, ты должен был ответить: «Только одно» – а потом его испепелить.

Я лежал до тех пор, пока не набрал в легкие достаточно воздуха, чтобы потратить его на ответ:

– Хорошее замечание. Я запомню его, чтоб использовать в следующий раз.

Когда первые лучи утреннего солнца коснулись моей щеки, мое тело начало неметь. Вот и все. Действительно все. Через час, может, через два, я умру.

Из последних оставшихся сил я медленно потащился к Рейчису.

– Что ты делаешь? – подозрительно спросил он.

Я рухнул в паре шагов от него и протянул руку, чтобы положить на его мех.

– Келлен? – Он догадался, что я делаю. – Убери с меня свою вонючую лапу!

– Нет, – ответил я, наблюдая, как его шерсть медленно меняет цвет. Он пытался сделать ее черной с рыжими полосами, как всегда, когда хотел выглядеть угрожающим, но сейчас был слишком слаб, и вместо этого мех стал бледно-серым. Я ласково погладил его. – Если нам предстоит здесь умереть, я скажу то, что должен сказать. А ты будешь слушать.

Белкот попытался увернуться, но у него не хватило сил.

– Отвали от меня, голокожий! Я тебе не родня. Я даже не твой друг! Это было чисто деловое соглашение!

– Рейчис, – сказал я, не обращая внимания на его протесты, – ты был вредным и раздражительным. Лгуном, вором...

– Убийцей, – добавил он.

– Верно. И это тоже. Но несмотря на все это, ты был... Рейчис, я хочу, чтобы ты знал, что я лю...

Он оборвал меня рычанием, барахтаясь в попытке подобрать под себя лапы:

– Глупый голокожий! Все твои стоны и разговоры мешают нам их услышать!

– Услышать кого?

Но потом я тоже услышал тихую поступь шагов по песку. Я ухитрился перекатиться на спину, но это не пошло мне на пользу. Пальцы мои так онемели, что, если бы я попытался бросить заклинание Караф, я бы только оторвал себе руки.

Две фигуры в капюшонах встали над нами, восходящее солнце за их спинами прятало их в тени. Постепенно я разглядел длинные черные кожаные пальто, совершенно непохожие на яркие шелка магов джен-теп, но куда более практичные.

Они опустили на колени и начали затаскивать меня на носилки, сделанные из переплетенного тростника.

– Ты только подумай! – сказал я Рейчису. – Разведчица не лгала насчет того, что отведет нас в Эбеновое аббатство.

– Да, – тихо прорычал он, – только она кое-что опустила.

Белкокоты видят лучше, чем люди, поэтому он раньше меня заметил, что здесь не так: лицо ближайшего монаха под капюшоном было покрыто извилистыми черными линиями, которые шевелились, как живые, когда я на них смотрел.

– Вот черт, – пробормотал я, когда сознание мое начало угасать.

Несмотря на все испытания и страдания, перенесенные в пути, мы нашли наш загадочный монастырь в пустыне – вернее, он нас нашел. Проблема заключалась в том, что монастырь получил свое название не потому, что у монахов имелось лекарство от Черной Тени.

Его называли Эбеновым аббатством потому, что жившие там монахи были ею заражены.

Глава 5

Изнанка снов

Мой народ ненавидит сны.

Терпеть их не может.

Они ужасны.

Самое основное требование магии – чтобы ум мага оставался ясным; она требует полного осознания того, что тебя окружает, и абсолютного владения своими мыслями. Ты не можешь властвовать над шестью эзотерическими силами реальности, если твой разум говорит тебе, что ты прыгаешь на спине плывущего змея, окруженный белыми медведями, которые непрерывно свистят тебе в уши.

Поэтому – да, сны моему народу ни к чему.

Между прочим, изгоям тоже. Трудно выпутаться из беды, пока ты видишь галлюцинации и то, что – в ретроспективе – вероятно, ненамного хуже того, что в реальности должно с тобой произойти.

– Белые медведи! – завопил я, стараясь избавиться от пут.

Как будто медведей было мало, скользкое маслянистое морское создание заглатывало мои ноги. Я уже наполовину скрылся в глотке монстра, а его омерзительно рыхлая наружная плоть душила меня влажной, ледяной хваткой. Чем усерднее я пытался избавиться от нее, тем туже сжималась грязная тварь, пока мой отлично натренированный разум джен-теп наконец не одержал верх:

«Ты запутался в своих одеялах, идиот. И они влажные просто потому, что ты потеешь».

С огромным усилием я размотал тяжелые одеяла на своих ногах и отбросил прочь. И тут же об этом пожалел.

Где бы я ни находился, оказалось, что сейчас ночь, потому что было чертовски холодно. И темно.

Я тряс головой до тех пор, пока окончательно не проснулся, а потом пару раз шлепнул себя по лицу, просто чтобы убедиться в этом. Сны бывают коварны: они дурачат тебя, заставляя поверить, будто ты проснулся, а несколько секунд спустя, конечно же, являются другие свистящие белые медведи, готовые тебя сожрать.

Когда мои глаза медленно привыкли к темноте, я понял, что нахожусь в каком-то шатре, сделанном из трех шестов, связанных наверху кожаными ремнями и покрытых толстой парусиной. Моя одежда осталась на мне, и это к худшему, потому что она, как и одеяла, пропиталась моим лихорадочным потом. Неудержимо дрожа, я тем не менее сел и осмотрелся, ища то, что может сойти за оружие. Я почти никогда не просыпался в странном месте без того, чтобы кто-нибудь не собирался меня убить.

Рядом с собой я нашел остатки моего рюкзака – по крайней мере то, что не сгорело дотла в пустыне рядом с тем джен-теп, Повелителем крови. Большая часть содержимого была уничтожена, но мне осталась половина колоды бритвенно-острых стальных карт Фериус. Я отложил их в сторону, потом, спохватившись, провел по нижнему шву рубашки. Кончики пальцев нащупали пять монет кастрадази, спрятанных во вшитой в ткань потайной складке, чтобы Рейчис не украл их, пока я сплю. Что-то слегка сжалось в груди. Колода карт и несколько монет не казались такими уж впечатляющими, но в подобные времена берешь, что можешь.

Я оглядел весь шатер в поисках...

Да! В паре шагов, в стороне меня ожидал мой ремень, свернутый, со все еще привязанными к нему мешочками. Конечно, они были почти пусты, поскольку я использовал большую часть порошков на того проклятого Повелителя крови, но даже щепотка-другая могла помочь почувствовать разницу между спасением и казнью.

Я надел ремень и вложил карты в кожаный чехол, который портной пришил к моей правой штанине. Он счел эту идею смехотворной, но был счастлив взять мои деньги.

«Ладно, – подумал я. – Я получил все свое добро. А теперь – где...»

– Итак, ты проснулся.

Голос, из-за которого я чуть не получил сердечный приступ, говорил по-дароменски, но с акцентом, заставившим меня заподозрить, что это берабеск. В отверстии шатра появилось лицо, чьи острые черты подтверждали мою догадку. Человек был моложе, чем я ожидал (может, на год старше меня) и оказался самым непохожим на монаха парнем, какого я когда-либо видел. Его каштановые волосы спадали почти до плеч, вместо рясы он носил длинное черное пальто без рукавов, обнажавшее худые мускулистые руки, вокруг которых вились изогнутые черные линии. То, чего на руках не было, удивляло не меньше.

– У тебя нет татуировок, – сказал я. Голос мой скрипел, как петли ржавых ворот.

Он возвел глаза к небу:

– Типичный джен-теп. Вероятно, воспитанный в уверенности, что только у магов может быть Черная Тень, верно?

Он согнул руку. Метки на его коже начали извиваться.

– Просто еще одна ложь, которую рассказывает твой народ.

Он опустил на корточки.

– Меня зовут Турнам, и, на тот случай, если тебе интересно, это я спас тебя от смерти в пустыне. Не заливайся слезами благодарности. – Он протянул мне серебряную миску. – Вот еда, если ты голоден.

– Я...

«Умираю от голода, – понял я. – Просто умираю от голода. Я бы съел собственную руку, если бы на ней осталось достаточно мяса».

– Пожалуй, я не прочь поесть, – ответил я, дрожа, потому что он впустил в шатер холодный воздух.

В миске оказалась порядком отвратительная на вид смесь сушеных трав с кусками жареного мяса животного неведомой породы и, вероятно, такого же отвратительного.

Я практически вырвал миску из его руки.

«Как здорово», – подумал я, едва распробовав еду, потому что несколько кусочков мяса все еще оставались у меня на языке, когда остальные уже отправились в желудок.

– Ты не должен есть так быстро, – посоветовал он. – Тебя из-за этого...

– Еще! – потребовал я, показав ему пустую миску.

Он скрестил руки на груди и напряг мускулы, из-за чего – это нервировало – его метки Черной Тени начали извиваться, как змеи.

– Позже, как только твой желудок привыкнет к пище.

– Сейчас, – просипел я. Мой голос все еще был слишком хриплым для такой длинной беседы.

Вообще-то не рекомендуется выдвигать требования твоему хозяину... или похитителю... Но я уже умирал от голода до того, как меня забрали, а с тех пор, должно быть, прошла минимум пара дней. К тому же мои манеры за столом, возможно, стали чуть менее утонченными после того, как я провел слишком много времени рядом с неким двухфутовым мохнатым обжорой.

«Погодите, – подумал я. – Как я вообще сумел съесть три куса без того, чтобы он их украл?»

– Где Рейчис? – спросил я.

Мой благодетель вопросительно уставился на меня:

– Не знаю ни одного места с таким названием. Это...

– Белкокот! Животное, которое было со мной, когда вы меня нашли.

Он засмеялся; берабески ухитряются делать это с акцентом.

– А, животное.

– А – что? – спросил я.

У меня внезапно похолодело в животе.

Молодой монах сел:

– Аббат приказал нам доставить только тебя и больше никого. От животных аббатству никакой пользы. – Он кивнул на миску в моей руке. – Если не считать еды, конечно.

В моих мешочках было немного порошка, поэтому я взял всего по щепотке в каждую руку, прежде чем испепелить мерзавца.

Глава 6

Белый песок

Мои чары действуют не так, как обычный огонь. Двойное красное и черное пламя реагирует по-разному в зависимости от того, сколько порошка я использую, и от того, как именно сгибаю пальцы. Эффект может варьироваться от удара очень большим деревом до разрывания плоти ненасытным огненным призраком.

В данном случае я пустил в ход крошечные щепотки и направил указательный и средний пальцы обеих рук так, что порошки едва соприкоснулись; в итоге в грудь Турнама как будто ударила раскаленная сковорода. Очень, очень сильно.

Его отбросило на несколько шагов, и я воспользовался его кратковременной дезориентацией, чтобы выбраться из шатра. Вскоре я был уже в дюжине ярдов от него, со всех ног удирая в ночь.

«Он лжет насчет Рейчиса, – повторял я себе снова и снова. – Даже раненый, белкокот смылся бы, прежде чем они смогли бы его схватить. Со своей способностью менять цвет шерсти под окружающую среду, он сумел бы скрыться в золотистых песках».

«А что потом?»

Даже если Рейчис сумел сбежать, я оставил его одного в пустыне, с гноящимися ранами, умирающего от жажды...

– Рейчис! – закричал я.

Сзади приближался топот обутых в сандалии ног. Кто-то уже висел у меня на хвосте.

«Останавливаться нельзя».

Но меня уже одолевал проклятый холод. Я взглянул вниз и обнаружил, что единственное, что с меня сняли, – это сапоги, и что песок здесь белый. Он леденит ступни и оказался таким гладким, к чему я совершенно не привык. Как же далеко меня унесли?

– Рейчис!

Я прислушался – не донесется ли до меня его голос. Рычание, стон... Дьявол, я обрадовался бы даже оскорблению. У меня сжалось в животе, то ли от страха, то ли от холода, то ли оттого, что мясо не пошло мне впрок.

«Предки, если вы позволили мне съесть моего делового партнера, клянусь, я достану два полных мешка красного и черного порошка и встречу вас в Серой Пустоши, где выкажу вам свое уважение самым невоспитанным образом!»

– Стой! – закричал мой преследователь. – Туда нельзя!

Я оглянулся. Два монаха. Берабеск и еще один парень.

Очевидно, я недостаточно ранил Турнама, чтобы вывести его из игры. Его товарищ был крупнее, в пальто с рукавами, прикрывавшими руки. Лунный свет озарял бритую голову, покрытую извивающимися линиями Черной Тени, которые кончались под левым глазом тремя метками, напоминающими слезы. Из-за них казалось, что он чуть ли не плачет.

Я продолжал бежать, выискивая оружие в этой проклятой белой пустыне с холодным ветром, пробирающим до костей.

– Послушай нас, дурак! – завопил крупный монах. – Ты мчишься навстречу собственной смерти!

Они уже меня догоняли, что означало – мои шансы удрать от них невелики. К счастью, у меня был большой опыт удиранья от погони.

Я сунул руку в карман за стальными картами. Резко остановившись, я повернулся на пятках, чтобы оказаться лицом к лицу со своими преследователями, и одновременно скользнул назад по гладкому белому песку.

Я метнул две карты в приближающихся монахов.

Тут стоит заметить, когда я говорю «метнул», это на самом деле означает, что я послал пару бритвенно-острых прямоугольных лезвий вращаться с такой скоростью, что увернуться от них было почти невозможно. Они рассекли бы тела моих противников так же глубоко, как любой брошенный в них нож.

У монахов даже не было времени прикрыть руками лица, когда карты полетели к ним. Им и не надо было этого делать. За мгновение до того, как лезвия могли достичь цели, метки Черной Тени Турнама размотались с его рук, затанцевали в воздухе, словно струйки черных чернил, выплеснувшиеся из ручки, и отбросили карты в сторону.

Я ошеломленно и заворуженно наблюдал, как извилистые линии вернулись к своему хозяину, обмотавшись вокруг его рук и превратившись в прежний узор. Всякий раз, когда моя Черная Тень выкидывала номера, она или показывала мне ужасные видения людей, превращающихся в ужасные видения самих себя, или погружала меня во Тьму. Жизнь иногда такая несправедливая.

– Жди там, где стоишь, идиот! – закричал Турнам.

Его кожаный плащ был прожжен спереди в тех местах, куда ударили языки моего пламени, но тело под плащом было настолько густо покрыто черными метками, что я даже не мог сказать, ранил я его или нет.

Я прикинул – не пустить ли снова в ход свое заклинание, но у меня кончился порошок, а значит, потребуется выскребать со дна и стенок мешочков достаточное его количество, чтобы правильно зажечь заклинание... А на это у меня не было времени. Значит, оставалось только бегство.

В такой ситуации я мог использовать ровно пять видов оружия. Первое – мои порошковые чары, а для них нужен был, как вы знаете, порошок. Второе – стальные карты, которые оказались бесполезны против этих парней. Третье – дух воздуха сасуеи, обитавший в моем правом глазу и никогда (я не шучу) не помогавший, если я хотел, чтобы он помог. Четвертое – монеты кастрадази в моей рубашке, с которыми я пока не научился обращаться. А последнее оружие в моем смертоносном арсенале? Двухфутовый белкокот с дурными манерами.

Сейчас самое время было ему появиться.

Он не появился.

– Послушай, дурак! – окликнул большой лысый монах. – Посмотри, где ты стоишь!

Совет оказался правильным, поскольку я как раз добрался до края утеса. Смятение при виде пустоты внизу заставило мое зрение помутиться, а колени – задрожать.

«Кто воткнул гору посреди пустыни?»

Все вкупе внезапно приобрело смысл – например, почему я больше не чувствую ног, почему песок хрустел, пока я бежал, и почему я дрожу. А, еще почему мне снились свистящие белые медведи.

Если все это звучит немного глупо, должен отметить, что я никогда в жизни не видел снега. И не ожидал его увидеть, поскольку обычно вы не найдете снег в пустыне.

«Где я, проклятье?»

– Не двигайся ни на дюйм! – закричал лысый монах.

«Как долго эти парни продержали меня в отключке?»

– Не подходите! – выкрикнул я, роясь кончиками пальцев в складках своих мешочков, чтобы достать оставшиеся крупы черного и красного порошков.

По крайней мере, это может их отвлечь.

– Даже не думай попробовать на мне это заклинание во второй раз! – предупредил Турнам. Ленты на его голых руках расплетались.

Ну конечно, а что еще он мог сказать? Я все равно зажег заклинание. Раздался порядком удовлетворительный звук сгораемого между нами воздуха, и оба монаха упали на заиндевелую землю.

«Ладно, – подумал я. – И куда мне теперь идти?»

Это было спорно, потому что выяснилось еще одно свойство снега, о котором никто тебя не предупреждает, если ты живешь в жарком климате. Я, конечно, читал о снеге в книгах и знал немало таких терминов, как «лед», «мороз», «метель» и даже самый смешной: «снежная лавина». Сперва я не мог припомнить, что означает последний термин, но скоро нашел ответ, когда земля задрожала под моими ногами. Оглушительный треск отваливающегося края утеса звучал так, будто внутри был заперт сам гром. Слишком поздно я попытался шатнуться назад, к своим преследователям.

Монахи побежали ко мне с протянутыми руками. Теперь я знал, что их попытка схватить меня будет тщетной. Последнее, что я увидел – как они покачивают головами, когда я кувырком лечу в бездну.

Существует семь заклинаний джен-теп, позволяющих магу летать, парить, левитировать или по-другому бросать вызов гравитации.

Я не обладал ни одним из них.

Глава 7

Черный снег

Первая часть падения не была такой скверной, как я ожидал. Я пролетел почти двадцать футов и погрузился в мягкий снежный нанос на козырьке утеса. Потом козырек сломался. Я соскользнул еще футов на сто по склону горы, отчаянно пытаясь ухватиться за все, что попало под руку. Оказалось, это не просто!

Сперва я со свистом скользил, потом пролетел короткий путь, чтобы приземлиться на еще один снежный нанос. Это было странно приятно. Секунды три. Я кувырком скатился еще на пятьдесят футов, прежде чем приблизился к следующему крутому обрыву и увидел, что на сей раз меня внизу ждет не еще одно пышное покрывало снега, а зазубренные камни.

– Используй свою Тень, дурак! – голос одного из монахов отразился эхом от склона горы.

Клянусь, этот звук наслал на меня еще больше снега и льда.

«Как именно использовать Тень?»

В отличие от Теней этих монахов моя Черная Тень никогда не причиняла мне ничего, кроме страданий. Я врылся ногами в снег в попытке замедлить падение, но только перекувырнулся вверх тормашками.

«Отлично. Теперь я смогу приземлиться на голову, когда ударюсь о скалу».

Мгновением позже я уже летел по воздуху.

«Пожалуйста, – мысленно взмолился я, обращаясь к черным меткам вокруг моего глаза, – в кои-то веки помогите мне!»

Пока я падал, повсюду вокруг меня летали снежные глыбы, в воздухе порхали похожие на бабочек хлопья.

Я хватался пальцами за окружающую пустоту – рефлекс, который я не мог контролировать, хотя и знал, что толку от этого не будет. В отчаянии я удвоил усилия пробудить метки Черной Тени вокруг левого глаза. Это слегка напоминало попытки наградить себя головной болью.

«Предки, я умру. Разобьюсь о скалы, окруженный всем этим мерзким черным снегом. Пойдите... Черным снегом?»

В свою защиту скажу, что потеряться в Тенях – дезориентирующее событие. Все становится угольно-черным, однако ты прекрасно видишь, как то, что обычно выглядит лишенным света, на самом деле становится тысячей оттенков обсидиана.

Я все еще падал, но теперь медленно, почти плавно, как лист, подхваченный ветерком. Я мог направлять свой полет, и мгновение спустя ноги мои коснулись земли. Зазубренные скалы, которые я видел во время падения, исчезли, сменившись, насколько хватало глаз, ониксовыми песками.

«Я сделал это! – подумал я. – Я переместился в Тени!»

Конечно, это порождало важный и тревожный вопрос: во всех остальных случаях, когда я терялся в Тенях, туда уходила только моя душа, в то время как все остальное оставалось в реальном мире. Поэтому мне или очень, очень повезло и на сей раз что-то пошло по-другому, или мое физическое тело лежит разбитое и окровавленное на скалах у подножия горы. Но если так, означает ли это, что моя душа навеки заперта в Черной Тени?

Глава 8

Чешуйки оникса

Я стоял на широкой равнине, землю под моими ногами усеивали крошечные чешуйки оникса, а в небе над моей головой было полно эбеново-черных облаков. Если вам кажется, что это два одинаковых цвета – что ж, может, в нашем мире так и есть, но не в месте бесконечных Теней. Если уж на то пошло, обсидиановый океан вдалеке отличался от хлопьев снега цвета сажи, которые все еще падали вокруг меня. Да, и хотя солнца не было и поэтому не было никакой возможности определить время, я практически не сомневался, что здесь всегда полночь.

– Эй! – позвал я.

Ничего.

Всякий раз, когда я раньше терялся в Тенях, мои друзья оставались неподалеку. Я видел их тени, сделанные из секретов, которые они таили. Может, именно в том и заключается смысл Черной Тени: наши самые темные страхи обретают физическую форму. Если так, интересно, каков мой страх? «Может, этот страх оказаться запертым здесь, в одиночестве, навечно?»

Я снова закричал во все горло:

– Эй! Кто-нибудь!

Мой голос звучал странно. Слишком близко – как будто я шептал в собственные уши. Это заставило меня почувствовать себя как никогда одиноким.

«Проклятье, Рейчис! Почему тебя нет здесь, чтобы укусить меня и назвать трусом?»

– Келлен?

Слабый свист пронесся над пустынным черным ландшафтом, такой слабый, что он вполне мог быть плодом моего воображения.

– Рейчис?

Несколько секунд длилось молчание, потом еще тише:

– Келлен, где ты? Я ранен, Келлен. Я все время пытаюсь встать, но я...

Голос Рейчиса прервался. Даже в тишине я каким-то образом понял, что он поскользнулся и упал на песок. Но как я понял, что он до сих пор в пустыне?

Его голос зазвучал снова, мягче, чем когда-либо:

– Я устал, Келлен. Должен немного поспать...

– Рейчис, я иду! – закричал я в бесконечный черный пейзаж.

Вдалеке, наверное, больше чем в сотне миль отсюда, появились одинаковые силуэты того, что могло быть горным ущельем, ведущим в Золотой Проход. Горы ожидали меня. Дразнили меня. Конечно, до них было слишком далеко, но – плевать. Я рванулся к ним, мои ноги беззвучно топали по ониковым чешуйкам. Может, пространство здесь не такое, как в реальном мире. Может, если я буду бежать достаточно быстро и держать в голове образ Рейчиса, я смогу...

Голос белкоката снова слышался эхом, теперь едва ли громче шепота на ветру:

– Не могу ждать тебя, Келлен. Прости, что ни разу не сказал...

И снова надломленный, свистящий голос затих.

– Нет! – завопил я. – Нет, Рейчис, держись!

Я продолжал бежать, но горы уходили все дальше и дальше. Земля подо мной двигалась, но я как будто ничуть к ним не приближался. Все вокруг нереально? Мое тело лежит, разбившись о скалы, у подножия горы, а все это – не более чем последние гаснущие мысли, когда кровь вытекает из моих жил, а мозг умирает от недостатка кислорода?

«Нет, – подумал я. – Все реально».

Я не понимал, откуда мне это знать, но я знал. Рейчис и вправду был там, на краю пустыни. Я знал даже больше: у него сломана лапа, он ранен в бою с существом, которое напало,

когда он пытался украсть и съесть одно из его яиц. Он умирал с голоду. Он тащился мили и мили, пытаясь идти по моему следу. А теперь он умирал. Один. И я не мог до него добраться!

– Пожалуйста! – закричал я в небо. – Кто-нибудь, помогите мне!

Если боги земли и воздуха, которым молятся люди пограничных земель, слышали меня, если предки, которым поклоняется мой народ, знали о моей беде, если проклятый шестилицый бог берабесков слушал меня, ни один из них не подал мне знака.

– Будьте вы все прокляты! Почему вы так поступаете со мной? Почему вы делаете мою жизнь такой...

«Нет. Стоп. Это не поможет Рейчису».

Будь Фериус здесь, она бы сказала:

– Никто ничегошеньки для тебя не сделает, малыш. Лучше для разнообразия начни делать что-нибудь для кого-то другого.

И она была бы права. Рейчис был вредным маленьким типом, но он был моим деловым партнером. Он дюжину раз спасал мне жизнь, потому что так у нас заведено: мы ссорились, спорили, оскорбляли друг друга, но в решающий момент он стоял за меня. Всегда. И теперь я должен найти способ постоять за него.

Белкокоты – стойкие создания, а Рейчис был кровожаднее большинства из них. Сможет ли он протянуть еще день, раненый и умирающий в пустыне от голода и жажды? Истинный маг джен-теп сумел бы использовать магию крови и песка, чтобы послать ему силы продержаться еще немного. Но я зажег только татуировку магии дыхания, прежде чем мои родители связали контрмагией остальные мои татуировки. Если бы я был могущественным, как моя сестра Шелла, я смог бы придумать какое-нибудь заклинание, чтобы...

«Постой... Шелла».

Она могла бы такое сделать. Она зажгла все шесть своих татуировок. Более того, она гениально придумывала новые заклинания. Мне просто нужно послать ей весточку.

Я оглядел место, которое на самом деле вообще не было местом, а чем-то другим – чем-то одновременно и отделенным от физического мира и в то же время связанным с ним.

– Шелла! – позвал я.

Может ли это и вправду быть так легко? Я собираюсь наконец найти применение черным меткам вокруг своего левого глаза?

Ничего. Ни слова, ни звука. Я закрыл глаза и пожелал приблизиться к ней, в надежде, что это каким-то образом заставит эфирную физику Теней дотянуться до нее. Ничего не произошло.

В известной степени этого следовало ожидать. Я любил сестру, но миру плевать на любовь. А с Рейчисом нас связывали узы. Все его короткие рыки и посвисты превращались у меня в голове в слова. Как бы ни работала эта связь, ничего подобного у меня не было ни с кем другим.

Тихий, сопящий звук донесся до моих ушей. Нервное дыхание Рейчиса. Я чувствовал его там, вдали от проклятых гор, за которые меня утащили монахи, ожидающего смерти.

Я подавил панику. Может, мне никогда не стать аргоси вроде Фериус, но, если понадобится, я буду следовать их неумолимому Пути Камня. Что мне было нужно – так это заклинание вроде того, которым пользовалась Шелла, чтобы связаться со мной, когда я путешествовал по Семи Пескам. Иногда лицо сестры появлялось на песке или в чаше воды, и она начинала бранить меня за это или за то. Один раз она появилась в облаках над головой. Это тогда особенно выбило меня из колеи.

«Сосредоточься, идиот».

Я не мог сотворить такое заклятие, какое использовала Шелла, но, возможно, этого и не требовалось.

Я опустился на колени, разгладил крошечные чешуйки оникса. Шелле пришлось произнести заклинание всего однажды, а после она могла пробудить его одной силой воли всякий раз, когда ей хотелось со мной поговорить. Магия со временем ослабела, но эфирные нити все еще могли остаться. Одна из этих нитей была сделана из магии дыхания.

Я устался на бледно-голубую металлическую татуировку, обвивающую мое правое предплечье, посылая в него свою волю, заставляя его заискриться. Если бы я сумел активировать хотя бы малую часть заклинания Шеллы, возможно, она заметила бы это и пустила в ход свои куда более могущественные силы, чтобы довершить остальное.

Татуировка дыхания замерцала, ее голубой свет оттеснял черноту Теневых земель. Я провел рукой по чешуйкам оникса и наполнил свой разум сущностью Шеллы.

Люди – это не просто имена, голоса или лица. И не просто воспоминания. Они нечто большее, чем все это вместе взятое; настолько большее, что почти невозможно полностью представить себе человека. Однако именно это я и должен был сделать. Я рисовал пальцем контуры лица Шеллы на ониковых чешуйках, притягивая все больше и больше магии дыхания через свою татуировку. Татуировка дьявольски обжигала, чего обычно не случалось. Не обращая внимания на боль, я продолжал рисовать черты лица Шеллы, разрез ее глаз, когда она смотрит на меня, как на идиота, намек на улыбку, когда она взяла надо мной верх. Боль все усиливалась, становясь почти невыносимой. Но мне и раньше бывало больно, а кроме того, я знал – любая моя боль ничто по сравнению с тем, что испытывает Рейч...

«Стоп. Жалость и отчаяние не помогут».

Я снова обратился к мыслям о сестре: не по годам развитой девочке, более талантливой, чем любой другой член нашего клана, даже наш отец. К сестре, которая всегда верила, что я смогу бы стать лучше, даже если это означало попытку меня убить. К...

«Нет, ты должен увидеть ее всю, а не только хорошие стороны».

Шелла была искустельницей. Ей нравилось, как на нее смотрят все мальчики нашего клана, как пытаются произвести на нее впечатление. Конечно, она меня любила, но не раз предавала. В ней было все хорошее и плохое, что только можно вообразить в человеке, но прежде всего она была сложной.

«Такой чертовски сложной!»

Ветер закрутился вокруг, унося чешуйки, которые я так тщательно пытался сложить в ее черты. Как будто сам воздух противился мне. Внезапный укол в татуировке заставил меня взглянуть туда. С руки капала черная кровь. Боль заставила меня ослабить хватку на образе Шеллы в моем мозгу.

«Нет. Чем бы ты ни был, ты меня не победишь. Я пройду Путем Камня. Я не согнусь. Я не сломаюсь».

Я закрыл глаза, снова рисуя лицо Шеллы на чешуйках, на этот раз по памяти. Я позволил мыслям о ней наполнить меня, разрешил чувствам к ней заглушить все остальное. Я любил свою сестру. Я ненавидел ее. Я восхищался ею. Я обижался на нее. Я нуждался в ней.

– Келлен?

Я открыл глаза:

– Шелла?

Ветер только усилился, но, хотя вокруг меня летали чешуйки оникса, пытаясь в меня вонзиться, там, на земле, тысячи других сопротивлялись, принимая очертания лица моей сестры. Глаза сузились, когда она прищурилась и посмотрела на меня снизу вверх.

– Келлен? Где ты?

– Шелла, мне нужна твоя помощь! Рейчис ранен. Ты должна...

Чешуйки, сложившиеся в ее левую бровь, приподнялись.

– Некхек? Ты прервал мои занятия, чтобы поболтать о грязном некхеке?

Некхеки – слуги демонов. Так мой народ называл белкокотов.

– Шелла, пожалуйста! Он на южной окраине земель берабесков, в пустыне под названием Золотой Проход. Он тяжело ранен. Тебе нужно создать заклинание, чтобы вылечить его. Попробай послать весточку Фериус Перфекс. Она отправится туда и найдет его. Пожалуйста, сестра, ты должна...

– Я ничего подобного не сделаю, пока ты хотя бы не скажешь, где ты, Келлен.

Ее сложенные из чешуек глаза сдвинулись влево и вправо, она огляделась.

– Что это за место?

– Это... Точно не знаю. Я искал Эбеновое аббатство, когда...

– Эбеновое аббатство? О Келлен, как ты мог поверить в такую ерунду? Все знают, что аббатство – миф.

Черты ее лица изменились, они стали смертельно серьезными.

– Келлен, если аббатство существует, я должна немедленно рассказать отцу. Следует отправить военный отряд, чтобы уничтожить эту мерзость прежде, чем...

Она не слушала. Все, что ее заботило, – слава нашего народа, и больше всего – слава нашей семьи. Я вложил в свои слова весь арта сива – талант аргоси убеждать:

– Сестра, сейчас ты меня слушаешь. Рейчис умирает, и ты одна в целом мире можешь ему помочь. Если ты вообще меня любишь, если хочешь снова называть меня братом, не превращая это слово в дурацкую шутку, ты его спасешь. Ты спасешь моего друга.

Она пристально уставилась на меня из ониксовых чешуек, потом вздохнула:

– Прекрасно. Опиши место, где ты его оставил, и, может быть, я смогу...

– Я поймал его! – прозвучал с неба над моей головой низкий сердитый голос. Один из монахов. – Проклятый дурак пытался ускользнуть в Тени!

Из облаков появились черные ленты и обернулись вокруг моих запястий, обматываясь снова и снова, усиливая хватку. Они начали тянуть меня, утаскивая от Шеллы.

– Нет! – закричал я. – Отпустите меня!

Появились новые полосы Черной Тени, обматываясь вокруг моей груди. Я почувствовал, как они тянут меня за лодыжки. Внезапно меня подняли в воздух, подсекли, как рыбу леской. Я вопил, ругался и боролся с лентами до тех пор, пока плечи мои едва не вывернулись из суставов.

– Келлен? Что происходит? Мне нужно, чтобы ты рассказал, как найти нек...

Я так и не услышал конца фразы. В меня врезалась твердая земля. Холод пробежал по моей спине. Небо надо мной теперь было серым, оно роняло крошечные хлопья белого снега, которые таяли, коснувшись моего лица, и превращались в слезы.

Монахи вытащили меня из Теней, прежде чем я смог рассказать Шелле, как найти Рейчиса.

Глава 9

Дурак

Слово «дурак» примечательно тем, что имеет больше одного значения независимо от того, на каком языке вы говорите. На джен-теп, барабесском, гитабрийском, дароменском или любом другом языке «дурак» – это тот, кому не хватает здравого смысла или благоразумия, тот, кем воспользовались в чужих интересах, ненормальный, лишенный интеллекта... Или охлажденный десерт из смешанных фруктов. Можно было подумать, что последнее значение появляется только в одном языке, но в действительности есть несколько языков, в которых слово «дурак» связано с замороженным фруктовым угощением.

Когда взявшие меня в плен называли меня дураком, а они делали это часто – на следующий день, я почти сомневался, что они имели в виду все разнообразные значения этого слова одновременно. Кроме фруктового, хотя такого я тоже не мог исключить, если уж на то пошло.

– Дурак замерзнет до смерти, – сказал Турнам.

Грубость его тона стряхнула с меня дремоту. Я повернул голову и увидел то, что видел каждый день с тех пор, как меня вытащили из Теней: снег, лед, скалы, гору. Я был так слаб, что путешествие стало бы чересчур сложным, если бы я по большей части просто не парил, пока монахи шагали вверх по склону горы: меня удерживали на весу теневые ленты Турнама, обмотанные вокруг моих ног и туловища. Я узнал, что имя бритоголового с отметинами в виде слез под глазом зовут Бателиос.

– Конечно, он замерзает. Холодно.

Это заставило меня захихикать и расположило к нему больше, чем к Турнаму.

– И он явно слаб, – добавил Бателиос. – И умом и телом.

Ладно, может, из этой парочки моим любимцем был Турнам. Вообще-то какая разница? Я не собирался задерживаться в их компании.

– Я бы скормил его своему демону, – сказал берабеск, теребя обожженный кусок лацкана кожаного пальто. – Какая польза от него будет ордену?

Молодой человек посмотрел на меня сверху вниз с широкой улыбкой на лице.

«Нет, постойте, я же вижу его вверх тормашками. Это не улыбка, а сердитый оскал».

– Ты чуть не стащил меня с утеса вслед за собой. Стоило бы позволить тебе сломать позвоночник на тех камнях. Твоя смерть была бы столь же неприятной, сколь заслуженной.

«Знаешь, моя жизнь и так не похожа на десерт «дурак».

Я захихикал над собственным остроумием, что заставило меня задрожать. Я и вправду замерзал. В придачу ко всем моим ранам и недугам короткое пребывание в Тенях наградило меня лихорадкой.

– Почему ты от нас удирал? – спросил Бателиос.

Он терпеливо тащился вверх по склону, повернувшись ко мне спиной.

– Мой друг... – сказал – вернее прохрипел – я. Но мысль о Рейчисе подстегнула меня. – Мне нужно помочь моему другу.

– Животному? – засмеялся Турнам. – Разве я уже не сказал? Животные – еда, а не компания.

Его издевка напомнила мне, как он пытался внушить мне, что я ел Рейчиса.

– Как там ожоги у тебя на груди? – любезно осведомился я.

Оттуда, откуда я на него смотрел – снизу вверх, – его рычание выглядело впечатляюще грозным.

– Твой питомец уже умирал, когда мы забрали тебя из Золотого Прохода. К этому времени его труп растащили канюки и шакалы.

– Ты ошибаешься! – Я попытался закричать, но получилось нечто чуть громче хриплого шепота: – Я слышал, как он говорил со мной, когда я был в Тенях. Он все еще жив.

– Ты не был в Тенях, ублюдок, – возразил Турнам. – Ты просто падал на скалы, когда мои ленты подхватили тебя.

«Лжец, – подумал я. – Я слышал, как Рейчис меня зовет, и говорил с сестрой. Она сказала, что поможет ему!»

Вот только... Это заняло бы немало времени, верно? По меньшей мере несколько минут. Падение с утеса занимает секунды. Моя одежда все еще была мокрой от пота, кожа влажной. Меня так лихорадило и я так отчаянно стремился спасти Рейчиса, что все придумал?

– Посмотри. Теперь он плачет, – сказал Турнам. – Из-за никчемного животного.

Бателиос подошел и встал надо мной, из-за меток на щеке у него был странно сочувственный вид.

– Прости Турнама. Он не видит острого клинка горя, поворачивающегося в твоём сердце. Мы прибудем в аббатство через три дня. А пока спи.

Теневая влага появилась в уголках его глаз. Черные слезы потекли по его щекам и упали мне на лоб и на глаза. Я попытался смахнуть их, но внезапно так обессилел, что сумел остаться в сознании лишь настолько, чтобы услышать слова Бателиоса:

– Бедный дурак.

Глава 10

Спящий

Я то засыпал, то просыпался, оставаясь в сознании лишь на краткое время, и в такие мгновения строил планы побега. Я понятия не имел, что ожидает меня в Эбеновом аббатстве, но больше не собирался это выяснять. Или Рейчис все еще жив и ждет в пустыне, когда я его спасу, или он мертв. Я мог хныкать и скулить, а мог взять себя в руки, поверить, что белкокот настолько неистребим, как он всегда заявлял, и отправиться в пустыню, чтобы его найти. Я знал, какое решение принял бы Рейчис.

Вообще-то он, наверное, решил бы, что я мертв, и отправился воровать у какого-нибудь другого простофили.

– Неважно, – пробормотал я вслух.

– Что такое? – спросил Турнам. Его теневые ленты закачались в воздухе, когда он повернулся, чтобы на меня посмотреть. – Бателиос, дай ему еще.

«Нет, – подумал я. – Не позволяй ему!»

Странное дело – отчасти я и вправду начинал жаждать блаженного забытья без снов, которое приносили слезы Бателиоса. Может, когда на тебя плачут Черной Тенью, это вызывает привыкание.

– Оставь меня в покое, – сказал я, когда монах замедлил шаги и посмотрел на меня.

Если бы Нифения была здесь, она задала бы ему хорошую трепку. Сонные чары ее не на шутку злили.

– Отдых пойдет на пользу твоим ранам, – ласково сказал Бателиос. – И тем, которые мы видим, и невидимым глазу.

– Заткнись, – ответил я. – Я пытаюсь уснуть.

Я закрыл глаза и злобно повернул голову набок. Не уверен, купился он на это представление или ему просто не по душе было навязывать свою волю, но он больше не пытался меня усыпить.

«Ладно, – подумал я. Крошечная победа заставила мой мозг работать чуть быстрее. – И что теперь?»

Я не был в такой отличной форме, чтобы попытаться сбежать, но, если я подожду, пока Турнам и Бателиос доставят меня в Эбеновое аббатство, будет слишком поздно. И кто знает, сколько у них там монахов? А вдруг все аббатство – своего рода тюрьма? Нет, надо удрать до того, как они притащат меня туда.

Зачем ждать так долго? Почему не попытаться раньше, а не позже? Потому для изгоя правильно выбранное время – это все.

Когда Фериус учила меня азартным играм, она сказала, что дилетант играет своими картами, эксперт играет картами противника, а мастер играет в пространстве посередине. Да, сначала это тоже показалось мне бессмыслицей. Но, думаю, она имела в виду, что важны не столько карты, сколько психология самих игроков. Скажем, у вас хорошая сдача, но вы полагаете, что у вашего противника она лучше; ваши карты больше неважны. Даже если у противника потрясающая сдача, но он считает, что ваша может быть лучше... Опять-таки – неважно, какие у него карты. Все дело в ожидании и предчувствии.

В данный момент взявшие меня в плен были настороже, потому что знали: ко мне медленно возвращаются силы. Как только мы попадем в аббатство, кто-нибудь наверняка примет шаги, чтобы удержать меня там. Но что насчет окрестностей аббатства? Что насчет драгоценных пяти или десяти минут перед нашим прибытием? Турнам и Бателиос начнут чувствовать себя в безопасности – в конце концов, мы приблизимся к концу путешествия. Их мысли обратятся к еде получше, крову и тому, что еще ожидает их дома. Они решат, что их

миссия завершена и опасность миновала. Если я сделаю свой ход, скажем, в нескольких сотнях ярдов от входа в аббатство, мои конвоиры окажутся в тупике: они устали нести меня всю дорогу, и, хотя в аббатстве им может помочь сколько угодно других монахов, им придется побежать в другую сторону, чтобы привести этих людей, а не туда, куда направляюсь я. Поэтому они, наверное, разделятся, что намного облегчит мне задачу.

«Ведь в жизни, как в покере, настоящая игра идет в пространстве между твоими картами и чужими».

Нет. Это все равно бессмыслица.

В любом случае это была лучшая стратегия, какую я смог придумать. Теперь мне просто нужен план. И отдых. Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь был таким...

«Нет, подожди! Не засы...»

Глава 11

Обман

Меня разбудил глухой звук, меня опустили на заснеженную землю.

«Хорошо, о чем я там... Ах да: план».

Успешный план побега состоит из трех элементов: обман, рывок и увертка.

Обман – это подготовленная диверсия, отвлекающая внимание твоих пленителей, чтобы ты мог спастись из клетки, цепей или петли, с помощью которых тебя держат в заточении. Добротность обмана оценивается по тому, насколько он отвлекает и как долго тебе верят. Обычно мое порошковое заклинание может вызвать взрыв достаточно большой, чтобы дать мне порядочную фору, но я ковырялся в мешочках при каждом удобном случае и набрал порошка всего на один-два приличных взрыва. Как только я его использую, у меня ничего не останется. В полах рубашки у меня были защиты монеты кастрадази, но я до сих пор не знал, на что способна каждая из них; я научился всего паре неплохих трюков, и ни один из них не задержит Турнама и Бателиоса надолго. Поэтому следовало придумать что-нибудь еще.

Потом, конечно, идет рывок – когда ты освобождаешься от пут. Теневые ленты Турнама позволяли обоим монахам нести меня и одновременно удерживать, поэтому мне нужно как-то вывести ленты из строя. У меня имелась парочка идей, но ни одну из них нельзя было проверить заблаговременно, поэтому с рывком тоже была проблема.

Даже если я смогу придумать приличный обман, а потом вырваться от монахов, они просто пойдут по моим следам и в конце концов сумеют меня поймать. Вот почему третья часть любого верного плана побега – увертка. Я должен придумать способ послать Турнама и Бателиоса по ложному следу.

Обычно в каждом плане труднее всего придумать увертку, но в данном случае я уже догадался, что надо сделать. Видите ли, даже если я смогу удрать, у меня нет припасов и снаряжения, чтобы спуститься с горы и убраться из этих мест. Поэтому я или упаду и разобьюсь насмерть, или умру с голоду по дороге. Хорошие новости заключались в том, что поскольку побег предполагает движение прочь, Турнам и Бателиос будут ожидать, что я пушусь в бег. Вот почему я сделаю как раз наоборот.

– Почти пришли.

Бателиос остановился и прислонился к выступу скалы.

– Благодарение богу, – сказал Турнам, прижимая ладони к пояснице; теневые ленты обмотались вокруг его рук. – У меня несколько дней болит голова из-за того, что я несу этого ублюдка.

Я и вправду заметил, что сегодня меня трясло чуть больше.

«Рад это узнать».

– Далеко еще? – спросил я, а потом, чтобы скрыть свой энтузиазм, добавил: – Там будет приличная еда?

Турнам засмеялся.

– Если и будет, как думаешь, станем мы ее тратить на песчаную крысу джен-теп, которая уже доставила больше хлопот, чем сама стоит?

«Думаю, нет».

– Сразу за тем кряжем, – сказал Бателиос, показывая на тропу, ведущую к крутому подъему вдалеке.

Я посмотрел туда, куда он махнул рукой. Вероятнее всего, еще около мили.

– Мне нужно помочиться, – сказал я, с трудом поднимаясь. – И еще кое-что.

– Кое-что? – переспросил Турнам. – Ты имеешь в виду – нагадить?

Я кивнул.

Быстрые, как хлысты, ленты обмотались вокруг моих рук.

– Что ж, можешь и подождать. Путь займет не больше получаса.

Я стал корчиться в теневых путах.

– Тогда эти полчаса вы будете чувствовать что-то очень неприятное.

– Прекрати! – сказал Турнам, вздрагивая в ответ на мое ерзанье и вихляние.

«Он вымотался, – понял я. – Значит, сейчас идеальное время, чтобы испытать мой план, и в то же время обман становится намного, намного опаснее».

– Просто дайте мне две минуты, – умолял я. – Я умираю.

– Я тебе покажу – умираю, – проворчал Турнам, но расслабил, наконец, путы.

Черные ленты отпустили меня, но сперва подняли на фут в воздух, чтобы бесцеремонно уронить на землю.

Я встал и демонстративно огляделся по сторонам. Справа от нас по гористой местности тянулся редкий вечнозеленый лес. Слева был край утеса еще более крутого, чем тот, с которого я упал несколько дней назад. Я двинулся к деревьям – и сделал всего два шага, прежде чем одна из лент Турнама схватила меня за запястье.

– Туда, – сказал он, поворачивая меня кругом и показывая на край утеса. – Там мы сможем за тобой приглядывать.

Я всеми силами постарался выглядеть раздраженным и смущенным. На самом деле я не чувствовал ни смущения, ни раздражения. Я ни на миг не надеялся, что мне позволят забрести в лес. Поэтому неторопливо пошел на край утеса и постоял там мгновение, глядя вниз с обрыва добрых две тысячи футов высотой.

– Ну? Ты собираешься приниматься за дело? – спросил Турнам.

– Он в самом деле мертв?

– Что?

– Мой друг. По-твоему, он в самом деле мертв? Только лихорадка заставила меня думать, будто я скользнул в Тени и разговаривал с ним? Или это могло случиться на самом деле? Может, я действительно скользнул в Тени.

Послышались тяжелые шаги Бателиоса, и вскоре он схватил меня за плечи.

– Даже не думай прыгнуть снова, мой друг. Боюсь, Турнам не сможет спасти тебя во второй раз. Известие о том, что существует военный отряд джен-теп, цель которого – увидеть всех нас мертвыми, отнюдь не улучшило его и без того неприятный характер.

– Но ты ему нравишься? Я имею в виду – вы друзья?

– Полагаю, что так.

– Хорошо.

Я упал, используя свой вес, чтобы вырваться из хватки Бателиоса. Он инстинктивно попытался схватить меня снова, но теперь я был под ним, и его большие руки поймали только воздух. Монах уже потерял равновесие, а я в придачу воткнул плечо глубоко ему в живот. Воздух вырвался из его легких, он согнулся, стоя надо мной. Я схватил его за пальто сзади и изо всех сил оттолкнулся ногами от каменистой земли.

Бателиос был гораздо тяжелее меня, но Фериус научила меня паре трюков, связанных с рычагом, – особенно тому, как швырнуть через плечо человека больше себя самого.

Все это заняло меньше двух секунд и случилось слишком быстро, чтобы Турнам успел среагировать. К тому времени Бателиос уже летел через край утеса. Мгновенного недоумения, мелькнувшего на его лице, хватило для того, чтобы заставить даже изгоя почувствовать себя виноватым.

«Извини, друг. Ради нас обоих надеюсь, что Турнам любит тебя больше, чем ненавидит меня».

Глава 12

Рывок

Фериус говорила, что никого не надо убивать, если есть альтернатива, а альтернатива есть всегда.

Но у Фериус нет Черной Тени, и, хотя аргоси явно раздражает людей достаточно, чтобы они сделались одержимыми мыслями об убийстве, редко кто-нибудь действительно пытался ее убить. Кроме того, сумасшедшие монахи с Черной Тенью не брали ее в плен, чтобы скормить своим демонам.

Поэтому я приготовился отнестись к приближающейся кончине Бателиоса, как к непосредственному результату того, что он взял меня в плен. И все-таки искренне надеялся, что Турнам его спасет. По сути, я рассчитывал на это.

– Бателиос! – закричал Турнам и побежал к обрыву.

С видом отчаянной сосредоточенности он нахмурил брови, и метки Черной Тени на его руках сплелись в ленты, которые метнулись вниз с утеса и обмотались вокруг лодыжек большого монаха. Турнам застонал от напряжения, покачиваясь и опасно наклонившись над краем. Я схватил его и оттащил назад примерно на фут, пока он не восстановил равновесие. В конце концов, я не чудовище. Пока.

Я заглянул за край. Бателиос пролетел добрых двести футов, прежде чем его поймали ленты Турнама, но ослабленные завитки с трудом удерживали его, не давая упасть, в пропасть. Бритоголовый монах схватился за непрочные выбоины в камне и начал карабкаться вверх; ленты его поддерживали.

Я похлопал Турнама по плечу.

– Похоже, там, внизу, скользко. Лучше держи его покрепче.

Взгляд, который он на меня бросил, мог бы заморозить солнце в небе.

– Ах ты, чертов ублюдок. Ты хочешь, чтобы я его спас. Тогда мы оба станем слишком слабы и не сможем за тобой гнаться.

Я побежал обратно и набил свой рюкзак теми немногими припасами, какие сумел найти.

– Сожалею об этом, но зря вы заставили меня бросить моего делового партнера.

– Белкокота? Проклятого белкокота? Ради какого-то грязного грызуна ты собираешься стать врагом Эбенового аббатства?

Я вскинул рюкзак на плечо.

– Знаешь что, друг? Большая часть мира уже настойчиво пытается меня убить. И они бы завершили свою работу, если бы не этот грызун. – Я двинулся прочь, уходя от обрыва. – Подумаешь, приобрел еще нескольких врагов!

Турнам продолжал вопить. Я почти уверен, что он убил бы меня на месте, если бы не использовал силы на поддержание Бателиоса. Не могу сказать, что вошел в лес легким шагом, но, по крайней мере, я был свободен.

Пройдет немало времени, прежде чем мои похитители смогут начать меня искать.

Вот это, друзья, мы и называем – рывок.

* * *

Следующий час я провел, топая между заснеженными деревьями. Примерно через каждую дюжину ярдов я останавливался, возвращался и оставлял ложный след, ведущий в самых разных направлениях. Я видел, Фериус так поступала, когда мы сбегали в местах хоть и неза-

снеженных, но имевших достаточно общего с этим местом, чтобы я решил, что здесь должна сработать та же тактика. В конце концов я подумал, что пора двинуться к моей настоящей цели.

Вопреки всем трудностям я ухитрился повернуть приличный обман и сделать хороший рывок. Пришло время увертки.

Я чувствовал, что могу побиться об заклад: как только Турнам втащит Бателиоса на утес, они даже не попытаются меня преследовать. Вместо этого они отправятся в аббатство за подмогой. Хотя я понятия не имел, сколько человек живет в Эбеновом аббатстве, вряд ли кто-то построил монастырь на вершине горы для того только, чтобы поселить там пару монахов. Поэтому вскоре ущелья будут полны братьями с Черной Тенью, жаждущими выследить меня прежде, чем я отыщу обратную дорогу к Золотому Проходу.

Долго же им придется искать.

Несмотря на свою внешность (и, полагаю, историю), я не совсем идиот. Я никоим образом не мог бы перегнать компанию сумасшедших монахов – тем более что они знали, куда я направляюсь. Поскольку им скорее всего были известны тропы, ведущие вниз с горы, а мне неизвестны, мне следовало направиться туда, куда они меньше всего ожидали: в само аббатство.

Как только куча монахов уберется оттуда, чтобы охотиться за мной, я прокрадусь внутрь, стащу достаточно припасов для путешествия, а потом отправлюсь за своими преследователями, держась на безопасном расстоянии.

Поскольку подножье горы явно больше его вершины, чем ниже мы будем спускаться, тем больше будет мест, где я смогу прятаться, пока не удастся смыться. Рано или поздно я где-нибудь куплю или украду лошадь, а потом вернусь к Золотому Проходу.

Враги не только не смогут меня схватить, они укажут мне путь с этой проклятой предками горы и снабдят меня припасами для путешествия.

Видите? Вот почему третью часть успешного побега называют уверткой.

Глава 13

Увертка

Однажды я спросил Фериус, есть ли вообще четвертый этап плана побега. Она ответила, затянувшись своей курительной соломинкой и выдохнув дым через нос:

– Три этапа – это очень много для любого правильного побега, малыш. Если выяснится, что тебе нужен четвертый, значит, ты в беде.

Как только я бросил первый взгляд на Эбеновое аббатство, у меня не осталось никаких сомнений, что потребуется четвертый этап.

Я ожидал увидеть на вершине горы беспорядочное скопище бревенчатых хижин, лачуг или чего-либо похожего. Вместо этого, покачиваясь на верхушке самого высокого и крепкого дерева, какое я смог найти на краю леса, я из своего ненадежного наблюдательного пункта увидел такое, что у меня захватило дух. Семь сверкающих обсидиановых башен вздымались больше чем на сотню футов над навесной стеной, которая сама была пятнадцати футов в высоту и описывала вокруг аббатства круг не меньше мили длиной. Ониксовые дорожки пересекали три отдельных двора и соединяли между собой достаточно двух- и трехэтажных зданий, чтобы в них поместились жители целой деревни. Снаружи, перед воротами, тянулась языком змея-дорога из блестящего черного камня, приглашая войти.

Как кто-то сумел воздвигнуть втайне такое колоссальное сооружение? Где они добыли столько черного камня? Кто втащил его на самый верх горы и как они снабжали себя достаточным количеством зерна, мяса, стройматериалов и других припасов?

Я слез с дерева – это оказалось труднее, чем на него забраться – и, едва переведя дух, возобновил свой болезненно медленный путь к аббатству. Мне повезло, что лес был достаточно густым, чтобы укрыть меня, пока я огибал стену. Фериус говорит, что замки похожи на лошадей: величавые спереди, но куда менее привлекательные сзади. Потому что любое большое замкнутое пространство, полное людей, производит множество отходов (примерно как задница лошади), и отходы надо куда-то девать. Как ни прискорбно, это «куда-то», как правило, лучший путь проникнуть внутрь замка или выбраться из него.

Я был вознагражден за часовое изучение аббатства тем, что обнаружил удивительно хорошо построенный канализационный тоннель: он выходил на склон утеса, не сильно отличающегося от того, где я посадил на мель Турнама и Бателиоса. Я запихал свои пожитки в заснеженный кустарник и начал спускаться с двенадцатифутовой скалы без помощи веревки, в результате неуклюже приземлившись у края тоннеля. Отсюда я начал очень неприятное путешествие в темноту.

Оказалось, что испражнения святых людей пахнут не лучше – а возможно, чуть похуже – испражнений непосвященных. Но в конце концов я прошел под навесной стеной аббатства и очутился в паутине менее отвратительных тоннелей, которые связывали разные башни и здания с канализацией. Я шагал по тоннелям, время от времени глядя сквозь решетки вверх, в кладовые, кухни и две библиотеки. Только добравшись до решетки, которая, должно быть, находилась недалеко от центра аббатства, я увидел людей.

Вообще-то я не столько увидел их, сколько заметил лужи крови, льющиеся сквозь решетку передо мной. И тогда до меня донеслись вопли.

Подолы сапог и сандалий отчаянно топали над моей головой. Мужчины и женщины бежали, выкрикивая слова, которые я не узнавал. Здесь как раз хватало света, чтобы я разглядел еще одну решетку шагах в пятнадцати справа, в тоннеле поменьше. К решетке вела железная лестница.

Я побежал туда и взобрался наверх. Решетка оказалась на петлях, и, хотя здравомыслящие люди обычно бегут в противоположном направлении от таких вещей, извращенное любопытство заставило меня пожелать выяснить, что стало причиной всего этого хаоса.

Толкнув металлическую решетку вверх настолько, чтобы высунуть голову, я увидел дюжину мужчин и женщин в черных рясах. Метки их Черной Тени извивались лентами, обматываясь вокруг членов твари настолько громадной и ужасной с виду, что я не смог оторвать от нее глаз.

На голове создания были рога, но не один и не два, как на старых масках медеков, с помощью которых запугивали мой народ, а целых шесть. С отвратительной симметрией из торса торчали шесть членов: четыре руки и две ноги. Громадная грудь вздымалась, как кузнечные меха, а огромные челюсти рвали плоть умирающего человека, который, несмотря на явно смертельные ранения, силился вырваться. Судя по минимум дюжине убитых, громоздящихся позади создания, я сомневался, что он в этом преуспеет.

Мой народ верит, что Черная Тень – это канал, с помощью которого демоны однажды появятся в нашем мире и используют силу зараженных ими магов, чтобы обрушить на всех нас несказанные ужасы. Фериус считает это не более чем народными сказками и суевериями.

Оказалось, что Фериус ни черта не знает.

Глава 14

Четвертый этап

Мои познания в области борьбы с демоническими силами до сих пор ограничивались тремя источниками: теориями джен-теп о природе кросс-планарных сущностей, народными сказками приграничья, которыми делились пьяницы в тавернах, желая, чтобы вы наполнили их кружку, и моей природной способностью к дедуктивным рассуждениям. Все три источника велели мне бежать со всех ног.

Я не сомневался, что это умозаключение имеет под собой твердую почву: я не имел никакого отношения к народу в аббатстве (возможно, за исключением Турнама и Бателиоса, которые вряд ли меня любили). Кроме того, весь мой план основывался на том, чтобы хаос и смятение помогли мне сбежать. Даже я должен был признать, что чудовищный шестипалый демон, пожирающий всех, кто попался ему на глаза, был более эффективным для отвлечения внимания, чем столкновение парня с утеса.

Я повернулся, чтобы пойти обратно по тоннелям под навесной стеной, прочь от рева демона, воплей умирающих и тех, кому вскоре предстояло умереть, полный решимости к ним не присоединиться. Только тут я услышал еще один звук и остановился, как вкопанный. Плач ребенка.

«Кто, к дьяволу, привел малыша в такое место?»

Я сделал шаг назад, посмотрел сквозь решетку и увидел бледную тощую ножку. Там стоял мальчик лет пяти-шести, его ноги дрожали так, что решетка поскрипывала на петлях. Но он не бежал, просто продолжал неудержимо трястись. Я понял, почему он медлит, поскольку много раз испытывал такое сам. Мальчик оцепенел от страха.

– Беги, малыш! – закричал я.

Он не ответил. Ну, во всяком случае, не ответил словами.

Приторно-едкий запах коснулся моих ноздрей, прежде чем струйка мочи побежала по ноге мальчишки, а после – сквозь решетку. Он обмочился. Я отпрыгнул и закричал во все горло:

– Не стой там! Беги!

– О нет! – простонал мальчик. – О нет!

Нельзя было с ходу понять, что вызвало эти слова: страх неминуемой смерти или стыд из-за потери контроля над мочевым пузырем. Мне приходилось ощущать это на себе, и я не мог припомнить, какое чувство было сильнее.

– Мальчик! – позвал я снова, на сей раз подражая четкому, повелительному голосу моего отца, которым тот всегда говорил со мной, чтобы заставить действовать мое тело, если не мой разум. – Ты повернешься и побежишь с этого двора. Сейчас же!

То ли он меня не слышал, то ли я говорил недостаточно угрожающе, потому что он продолжал стоять, и моча струилась по его ноге. Вопли и крики во дворе становились громче, что означало: монахи проигрывают и мне пора уходить.

Почему же я не бегу со всех ног?

Проклятье. Проклятье. Проклятье.

Я начал подниматься по лестнице. Проклятая надоедливая Фериус Перфекс! Иногда приходится играть теми картами, которые тебе выпали, малыш, – даже сквозь шум представил я ее назидательный голос. – Единственное, что надо решить – как разыграть те карты.

Решетка запиралась на засов снаружи. К счастью, последние несколько месяцев не были для меня временем частых пиров, поэтому мои предплечья оказались настолько тощими, что пролезли между прутьями. Я отодвинул засов и начал толкать решетку. Мальчик все еще стоял на ней, но он был маленьким и достаточно легким, чтобы просто упасть с нее. Я вскарабкался

наверх, оказался по пояс снаружи, пытаюсь не смотреть на бойню и не слушать вопли, и схватил мальчишку. Он завопил и, конечно, лягнул меня.

– Все будет в порядке, – пообещал я. – Я вытащу тебя отсюда!

Он вцепился в пол, пытаюсь не дать мне затащить себя в канализацию. Я испугался, что он сломает пальцы.

– Отпусти! – заорал я. – Я пытаюсь тебе помочь!

И тогда он со всхлипом сказал то, что сделало мой день намного, намного хуже:

– А как же остальные?

– Остальные?

Тут я услышал более тонкие и высокие голоса среди тех, что молили о милосердии. Я повернулся и увидел демона, возвышающегося над черными, запятнанными красным, сутанами мертвых у его ног. А потом увидел, как существо сделало первый шаг к алькову на дальней стороне двора, где укрылась дюжина мальчиков и девочек, вцепившись друг в друга в ожидании конца.

Глава 15

Эпитафия

Я подтянулся, вылез из отверстия, схватил малыша, заставив его отпустить пол, и отправил в тоннель. Он неудачно приземлился и вскрикнул – значит, растянул лодыжку. Более умелый спаситель сделал бы свою работу, не покалечив того, кого полагалось спасать, но у меня не было большой практики в героизме.

– Оставайся внизу! – велел я ему и повернулся лицом к врагу.

«Что, во имя всех моих мерзких предков, я делаю? Эта тварь двенадцати футов ростом, и ее явно не впечатлило собрание монахов, которые уже погибли, пытаясь ее остановить. Каков же мой грандиозный план?»

В историях из моего детства герои джен-теп никогда не трудились составлять планы, потому что к тому времени, как храбрый юный маг оказывался лицом к лицу с врагом, он или она уже овладевали фантастическими чарами, а также навыком, который случайно оказывался идеальным способом уничтожить монстра. До сих пор все, что я заполучил в этом путешествии – паршивая простуда.

Мой список стратегий в битвах с демонами был довольно ограничен, и я выбрал тактику, лучше всего подходившую к моим навыкам и темпераменту: отвлечь, а потом очень быстро отступить. Я побежал к демону, открывая кожаный чехол, пришитый к моей штанине.

Сначала – нарезать ломтиками и кусками.

Я вытащил полдюжины бритвенно-острых карт и метнул их в голову демона. Для таких легких предметов карты летели на удивление хорошо. Первые три не попали в цель; одна отскочила от края алькова и ударила по ноге одного из бедных ребят, сгрудившихся у стены. Мальчик уставился на меня с выражением, в которое ухитрился вложить и малодушный страх, и легкую злость.

Ага, попробуй швырять карты в демона, когда у тебя дрожат руки, а ноги отчаянно пытаются убедить тебя отправиться в другом направлении!

К счастью, следующие три карты попали в цель, глубоко вонзившись в затылок демона.

Стальная карта, воткнувшаяся в плоть врага, – это зрелище, которое доставляет извращенное удовольствие. Жаль, у меня не хватило времени, чтобы как следует им насладиться.

Демон издал рычание, почти наверняка от злости, а не от боли. Когда массивная черная башка повернулась ко мне, я побежал вокруг него в другую сторону. В моих мешочках осталась всего пара щепоток порошков, и мне следовало тщательно выбрать цель. Может, вы решите, что я нацелился в глаза демона или его пасть, но, поверьте, большинство созданий неплохо защищают эти особенно уязвимые части своего тела. Кроме того, главным для меня было настолько взбесить тварь, чтобы она потеряла интерес к детям и направила свою ярость на... Ладно, эту часть плана я придумал потом.

С такого расстояния я видел толстый слой короткой, почти вязкой шерсти, покрывающей тело демона, из-за которой не мог установить, есть ли у него конкретные причиндалы, необходимые для моего следующего трюка. Не имея ни времени, ни желания заниматься тщательным исследованием, я нацелился туда, где должна была находиться мишень, а остальное предоставил надежде. Я швырнул порошки в воздух, создал магическую фигуру заклинания и произнес его.

– Караф! – сказал я, выговорив слово медленнее необходимого. С другой стороны, при произнесении заклинания никогда не следует заикаться.

Взрыв прогремел во дворе, когда красное и черное пламя, следуя по линии моих пальцев, устремилось к цели. Потом я услышал вопль; вой, донесший все адские глубины ярости демона. Оказалось, у существа есть необходимые части тела.

«Предки, – подумал я, когда монстр развернулся, чтобы отыскать меня пятью злобными красными глазами. – Если мне предстоит умереть, пусть моей эпитафией будет: «Келлен, сын Ке-хеопса, изгнанный народом джен-теп, изгой и меткий маг. Однажды он взорвал причиндалы демона».

Глава 16

Тени

Сперва раздался рев, сотрясающий землю гром, донесший самый ядовитый запах, который когда-либо атаковал мои ноздри, – а я спал рядом с белкокотом после того, как тот объелся сдобным печеньем, сперва отобедав двухдневной кроличьей тушкой. Поверьте, дыхание демона еще хуже. Хотя, возможно, винить в этом следовало кусочки мертвого монаха в его пасти.

Затем стегнули хвосты. Правильно – хвосты. Гротескное создание имело не один хвост, а три. Ну, я не эксперт ни по демонам, ни по зоологии, но ощутил, как это нечестно – чтобы какая-то тварь имела три отдельных цепких шипастых придатка, каждый достаточно острый и сильный, чтобы при ударе им по ониковым плитам разлетались осколки черного камня.

Я постарался отпрыгнуть в сторону, ощутив воздух у щеки, когда конец шипастого хвоста чуть не отхватил мне правое ухо. Фериус демонстрирует замечательные перекачивания через плечо, которые не только помогают ей избежать опасности, но и толкают ее в идеальную позицию для контратаки. Ну, а я? Я стукнулся затылком о землю, упав на спину, а после перевернулся на живот, прежде чем встать.

Ненавижу это. Ненавижу. Ненавижу.

Дети, явно завершив оценку моих героических способностей, испускали оглушительные вопли, от которых мне не было никакого толку. Оставшиеся в живых монахи ковыляли в ошеломленном недоумении, метки их Черной Тени выглядели бледными, почти съезжившимися. Они держались в стороне, позволив мне принять на себя основной жар атаки разгневанного монстра. Монахи благоразумно рассудили, что, если позволят существу меня разорвать, это даст им лишнее время, чтобы восстановить силы.

Что касается демона, он (хотя я не знал его анатомии достаточно хорошо, чтобы быть уверенным насчет пола, и сделал вывод, что это «он», судя по обожженным теперь частям, болтающимся между его ног) до сей поры демонстрировал только одну добродетель: медлительность. Не медлительность типа: «о, я просто обегу вокруг него, швыряя карты в его слабые места». Скорее медлительность вроде: «о, я и вправду замечаю, как он приближается, чтобы меня съесть». С учетом всех обстоятельств, я проворно уворачивался, но сомневался, что смогу долго так продержаться. Мне понадобится небольшая помощь.

– Сюзи, – прошептал я.

Вообще-то трудно шептать, когда твои легкие пульсируют, потому что ты бегаешь туда-сюда, пытаешься сделать так, чтобы тебя не раздавили. Но магия шепота требует своего рода терпеливой эмоциональной сосредоточенности, которой нельзя добиться с помощью крика.

– Сюзи, – повторил я, обращаясь в духу воздуха – или сасуцеи, как ее правильней называть – обитавшей в моем правом глазу. – Если ты не слишком занята, мне бы прямо сейчас очень пригодилась твоя помощь.

По большей части Сюзи была хороша лишь для того, чтобы показывать мне спрятанные тропы или обдуть мой глаз холодным ветром всякий раз, когда я делал то, что оскорбляло ее нравственность. Но несколько месяцев назад она спасла мне жизнь, сразившись с моей собственной Черной Тенью. Если бы я смог сейчас ее пробудить, имелся шанс, что она невзлюбит этого конкретного демона прежде, чем тот растопчет мой череп. А если нет, ей придется искать новый глаз, чтобы там тусоваться. Тем временем моя дерзкая атака заключалась лишь в том, чтобы неистово метаться по двору.

– Можешь вступить в любое время, Сюзи, – прошептал я.

Ну, я сказал гораздо больше. В этом отношении магия шепота – странная вещь: в ней нет специфических заклинаний, скорее она заключается в том, что ты позволяешь своим чувствам

смешаться с твоим дыханием в некоей цветистой, поэтической мольбе. И это не на шутку смущает.

Одна из левых рук демона замахнулась – он пытался меня ударить. Теперь передо мной встал довольно трудный выбор: то ли нырнуть под руку, то ли перепрыгнуть через нее. Я выбрал последнее.

Фигушки. Еще пара дюймов – и массивное черное предплечье твари проплыло бы подо мной, а так он зацепил пальцы моих ног. Я взлетел в воздух, перекувырнувшись, и лишь случайно приземлился на ноги. Могу вообразить, что в тот момент для стороннего наблюдателя я выглядел весьма спортивным, но то была удача, и ничего более.

Теперь демон попробовал другой подход, расставив огромные руки и приготовившись раздавить меня, как жука.

– Сюзи, теперь или никогда, – прошептал я.

Нет ответа. Никогда не рассчитывайте на духов воздуха.

Свист массивных рук монстра, устремившихся ко мне, сообщил, что мое время вышло. Я попытался закрыть глаза – но мой правый глаз не закрывался. Вместо этого из него внезапно вырвалось белое облако: ощущение тревожное, несущее с собой жгучий холод. Вид был ненамного лучше.

Сасуцей поднялась из моего глаза, становясь все больше и больше: она росла, поднимаясь к лицу демона. Сюзи испустила свистящий вопль, заставивший монстра попятиться. Не уверен, поступил он так из-за врожденного страха перед духами воздуха или потому, что ему просто странно было видеть облако, выплеснувшееся из лица жалкого человека.

Демон вызывающе заревел на сасуцей. Сюзи в ответ издала высокий вопль урагана, дующего между откосами каньона. Сила ветра заставила меня пошатнуться.

Затем слышались другие звуки: крики, вопли и стук каблуков, топающих по каменным плитам.

– Быстро! – крикнула молодая женщина. – Пока стигиец отвлекся!

Я не знал, что там за стигиец, но надеялся – она имеет в виду животное, а не моего духа воздуха. Из-за облака Сюзи у меня слегка плыло перед глазами, но я все-таки смог разглядеть вновь прибывших, которые ринулись к нам. Эти шестеро – явно подростки – рассыпались рядом со мной, чтобы окружить демона. У каждого из них была Черная Тень, но в отличие от остальных монахов они носили вместо традиционных сутан длинные черные пальто, отделанные красным, голубым и серебристым. Эти пальто тревожно напоминали те, что были на парнях, от которых я недавно удрал.

– Дух воздуха ненадолго сдержит стигийца, – сказала девочка... Ну, вообще-то молодая женщина. Трудно называть девочкой ту, которая сражается с демоном. – Давайте покажем ублюдку, на что мы способны!

При виде рыжих завитков и свирепой, дикой ухмылки я испытал внезапное потрясение. На мгновение я мог бы поклясться, что рядом со мной оказалась юная Фериус Перфекс, с плавной грацией размахивая руками: это больше походило на танец перед зрителями, чем на битву с монстром.

Конечно, это была не Фериус. Теперь, когда мое зрение прояснилось, девушка даже не была на нее похожа, если не считать волос. Думаю, я просто скучал по своей наставнице.

– Я – Келлен, – сказал я, хотя момент казался крайне неподходящим для представлений.

– Диадера, – ответила она.

Теперь она была настолько близко, что я заметил крошечные темные веснушки, усеивающие ее бронзовую от загара кожу.

Она сощурила глаза, сосредотачиваясь, – и внезапно метки ожили и взвились в воздух, как рой мерцающих черных светлячков. Они метнулись в пять глаз демона, жалея его снова

и снова. Когда монстр начал бить их руками, Диадера отшатнулась, как будто сама получила удар.

– Ты собираешься помочь или просто будешь стоять, выглядя симпатичным?

– Как выглядя? – переспросил я.

Она подмигнула:

– Ну, более или менее симпатичным. Может, если бы ты помылся, я смогла бы сделать переоценку. А пока используй свою проклятую Черную Тень, чтобы помочь мне убить эту тварь!

Демон хлопнул двумя массивными ручищами, чтобы раздавить между ними ее веснушки. Они медленно опустились на землю, как мертвый пепел. Диадера застонала и упала на колени, но вскоре встала и протянула руки, приказывая черным светлячкам снова подняться в воздух.

– Ты зря тратишь время, если думаешь, что от этого идиота будет какая-то польза, Диадера, – сказал слева от меня сердитый – и слишком хорошо знакомый – голос.

Коричневые волосы до плеч и вычурное черное пальто без рукавов подтвердили мои подозрения.

– Я убью тебя, когда все закончится, джен-теп, – сказал Турнам.

– Сперва сдержи стигийца, – пророкотал более низкий голос, и его обладатель занял место Диадеры, когда та отступила перед атакой демона.

Бритая голова и метки на лице, заканчивающиеся черными слезами, тоже были мне знакомы.

– О, привет, Бателиос, – сказал я. – Извини, что столкнул тебя с утеса.

Не уверен, счел ли он мое извинение достаточно искренним, потому что именно в тот момент двор затрясся, когда демон саданул по плитам всеми четырьмя кулаками.

Я вскинул глаза, удивляясь, почему ни я и никто другой до сих пор не погибли. Дело было в Сюзи, окутавшей голову демона своими белыми облаками и ослепившей его. Демон топнул ногой так близко от Турнама, что тот упал, и его черные ленты размотались, выпустив ноги и руки демона.

– Все, продолжайте наступление, – сказала Диадера, снова послав эбеновых светлячков-веснушек своей Черной Тени в атаку на демона.

Теперь нас была почти дюжина, пытающихся сдержать существо, хотя, честно говоря, я в основном выступал в роли сосуда сасуеи. Одна девочка вдвое ниже меня ростом упала на колени и разжала руки, повернув их ладонями вниз, к земле. Черные вьющиеся лозы из ее пальцев врылись в плиты – для того только, чтобы вырваться в нескольких футах в стороне и обмотаться вокруг ног демона. Бателиос пролил в ладони эбеновые слезы и швырнул их в создание, не столько атакуя его, сколько делая нерешительным, как будто тварь внезапно хлебнула печали.

Мое изумление перед тем, какими поразительными способами эти люди могли использовать свои метки, омрачалось сознанием того, что мы проигрываем. Создание прорвалось сквозь черные лозы и замахнулось на нас руками. Все стали отступать, пока оно всеми силами пыталось отыскать что-нибудь мягкое и мясистое, что можно ухватить.

Диадера схватила меня за руку.

– Келлен, остальные устают. Используй свое облако, чтобы сдержать стигийца!

– Она не может! – закричал я в ответ.

Облако Сюзи поблекло, превратившись в бледный туман, который быстро рассеивался перед атакующим демоном.

– Еще немножко, – убеждала Диадера. – Он почти готов!

– Кто? – спросил я.

Потом я понял, что это неважно, поскольку примерно через три секунды все мы станем трупами. Я выхватил остаток стальных карт из колоды на штанине и швырнул их одну за другой в глаза создания. Большинство отскочило от монстра, но одна угодила прямо в цель. Это вознаградило меня воем боли и ярости вкупе с парой секунд передышки.

– Вот и все, – сказал я. – У меня кончились трюки.

Демон потопал к нам. Я попытался заслонить Диадеру своим телом. Конечно, это ничего бы не дало, но мне подумалось: когда после смерти предки будут судить меня в Серой Пустоши, хорошо бы, чтоб они пришли к выводу, что я совершил хотя бы один благородный поступок.

Раздалось хлопанье сандалий по каменным плитам, а вслед за тем – ревущий голос:

– Эй, засранец, хочешь драться? Сейчас я тебе задам!

Я повернулся и увидел высокого человека, вбегающего во двор. Завитки пепельно-светлых волос обрамляли невиданно квадратную челюсть. Морщины на лбу и вокруг серых глаз говорили о среднем возрасте, но у мужчины была широкая грудь и гладкие мускулы более молодого человека. И он был голым – теперь, когда сорвал с себя рясу. Там, где полагалось быть бледной коже, извивалась паутина Черной Тени, покрывая его почти с ног до головы.

Человек остановился перед демоном, широко раскинул руки и сжал кулаки так крепко, что побелели костяшки пальцев. Он напряг разом все мускулы, и тело его содрогнулось, когда эбеновые метки сорвались с его тела. Они ударили демона, как ломающая берег волна, поглощающая чудовище.

Сюзи испустила вопль, влетая обратно в мой глаз, но демону пришлось хуже.

Создание почти полностью утонуло в Черной Тени вновь прибывшего, как будто на монстра вылили тысячу бочек нефти. С рыком ярости тварь стала рвать когтями этот непрошенный покров, раздирая его отчаянно, но безрезультатно. Все три хвоста молотили по маслянистому савану, но ни один не мог его прорвать.

Черная жидкость затвердела и начала сжиматься, стягиваться вокруг демона, давя его. Однако он продолжал бороться, и лицо голого человека исказилось от боли, как будто все до единого удары демона попадали в него. Медленно, неумолимо покров становился все меньше и меньше, пока не раздавил демона, заключенного внутри, оставив от него лишь дергающуюся грудку переломанных костей и изуродованной плоти в луже черного масла.

Двое подбежали к светловолосому мужчине, но он оттолкнул их и один вошел в центр черного масляного пятна.

– Я готов, – сказал он, но мне показалось, что он говорит сам с собой.

Масло начало скользить вверх по его икрам, обматываясь вокруг ног и остального тела. Когда все закончилось, он вновь оказался покрыт извилистыми метками Черной Тени.

Диадера подошла и протянула ему рясу. Он взял ее и натянул через голову. Дети, съевшиеся в алькове, подбежали к нему с приветственными криками, пытаясь схватить его за руку. Он улыбнулся им и потрепал по головам, но вскоре шуганул прочь.

– Кто он такой? – спросил я Диадеру, которая, похоже, знала его и была им очарована.

Ее ответ был полон такого благоговения, какое обычно видишь в клириках берабесков, говорящих о своем шестиликом боге:

– Это аббат.

Аббат обогнул двор, останавливаясь, чтобы опуститься на колени перед каждым мертвым монахом. Потом подошел ко мне и впился в меня голубыми глазами. Он просто стоял и пристально смотрел на меня. Как и все остальные.

Сочтя молчание неловким, я протянул руку и попытался представиться:

– Меня зовут...

– Я прекрасно знаю, кто ты такой, Келлен, – перебил аббат и помолчал еще секунду, прежде чем в уголке его рта появилась ироническая улыбка. – Мальчик, ты хоть когда-нибудь перестанешь искать неприятности?

Аббатство Теней

*Клетки имеют прутья, и все знают, что из клетки положено сбежать, но дома имеют стены, и люди сами запираются изнутри. По-моему, гораздо легче вырваться из клетки, чем из дома.
То, что может сойти за мудрость белкокота*

Глава 17 Аббат

Аббат почти сразу мне не понравился, и не только потому, что начал переговоры так:

– Есть какие-нибудь погребальные ритуалы джен-теп, которые ты хотел бы, чтобы мы проделали с твоим трупом?

Он сказал это, ведя меня в одну из громадных башен аббатства, а потом – вверх по достаточному количеству пролетов лестниц, чтобы напомнить, что я недостаточно оправился от напряжения и различных ранений для вступления в еще один бой. К тому времени, как мы добрались до верхнего этажа, я обливался потом и пытался скрыть, что задыхаюсь.

– Сюда, – сказал аббат, жестом предлагая войти вместе с ним в затемненную комнату около восьми футов.

Свет проникал в нее только из окна высотой почти с меня, но слишком узкого, чтобы я мог в него пролезть, если переговоры пойдут скверно.

– Сначала вы, – ответил я.

Возможно, я ошибся, последовав за ним в башню, но было больше шансов победить его одного, чем во дворе, окруженного лстывыми прислужниками. Так или иначе, я покину это странное аббатство с его эксцентричными монахами и еще менее симпатичными демоническими явлениями.

Мне нужно спуститься с горы, потом добраться до ближайшей деревни или города, где я смогу украсть лошадь и поскакать в Золотой Проход. Конечно, при условии, что я найду первое, второе и третье. Я понятия не имел, нахожусь ли все еще у берабесской границы или где-нибудь к северу от Семи Песков. Я не мог даже с уверенностью сказать, сколько дней прошло, прежде чем я сюда попал. Все, что я мог сделать – это цепляться за надежду, что Рейчис не погиб от ран и нашел воду. Почему бы и нет? Белкокот был крутым. Если Шелла создала заклинание, чтобы поддержать в нем жизнь, если она нашла способ послать весточку Нифении и Фериус... Если... Если... Если...

Аббат протиснулся мимо меня в маленькую комнату и опустился на стул за небольшим письменным столом.

– Смирись с неизбежным, Келлен. Ты умрешь.

Мои руки проникли в обмякшие, пустые мешочки, висящие у меня по бокам.

– Люди все время мне это твердят. Хотите, покажу вам, где я похоронил их трупы?

Мое арта валар – то, что аргоси называют бесстрашием, но Фериус упоминает как бахвальство, – было бы более впечатляющим, если бы кончики моих пальцев смогли выскрести из глубин мешочков побольше красного и черного порошков. Щепотки могло хватить, чтобы впечатать аббата в дальнюю стену и лишить его сознания, если я идеально выберу время. И если мне повезет куда больше обыкновенного.

Аббат не обратил никакого внимания на мои слова и на угрозу, которую я мог собой представлять. Вместо этого он порывлся в груде бумаг и отпихнул в сторону книги, раскиданные по столу. Две потрескавшиеся кожаные обложки были украшены знаками джен-теп. Ни

один мастер заклинаний не позволил бы таким текстам покинуть его святилище, значит, книги украли. Что-то выкатилось из-под пачки документов, и на лице аббата появилась широкая улыбка, когда он это схватил.

– Вот ты и попался, маленький ублюдок! Думал, сможешь спастись, да?

Я чуть не взорвал его, но он сунул эту штуку в рот и откинулся на спинку стула. Золотисто-коричневая трубка, завернутая в какую-то тонкую ткань или пергамент, была длиной примерно с его руку и толщиной с большой палец. Аббат еще покопался на столе и безудешно вздохнул. Он выжидательно посмотрел на меня, постучал по концу трубки и показал на мешочки на моих боках.

– Поможешь своему собрату, проклятому демонами беглецу, а?

– Это какая-то курительная соломинка?

Из курящих я знал только Фериус Перфекс, и ее соломинки были просто маленькими штучками, почти такими же тонкими, как стебелек цветка.

– Это называется сигара, – ответил аббат. – Все равно что курение соломинки, но для цивилизованных людей.

Он откинул со лба локон пепельных волос, излучая ту небрежную самоуверенность, которой обладают только по-настоящему красивые люди, и я внезапно почувствовал себя маленьким и незначительным.

Но я не доверял красивым людям. Мой отец был красивым, и он связал меня контрмагией, чтобы я никогда не смог использовать свой магический потенциал. Мой прежний лучший друг Панакси – теперь его звали Панэрат – был красивым, и он пытался меня убить. Дважды. Дексан Видерис, мой собрат-заклинатель, был таким красивым, что даже Рейчис считал его классным. Дексан оказался самым большим засранцем из всех.

Поэтому – да, я не лажу с незаслуженно привлекательными людьми.

Аббат ухмыльнулся мне; белые зубы прикусили сигару, чтобы она не выпала.

– Да ладно, парень. Не томи. Покажи, на что ты способен.

Он откинулся на спинку стула, закинув руки за голову, и медленно закрыл глаза.

Он практически подзуживал меня, чтобы я на него напал. Знает ли он, что у меня почти закончился порошок? Или он настолько уверен в своих способностях, что его просто не беспокоит, что я могу сделать?

Я позволил щепоткам порошка высыпаться обратно в мешочки, оставив на кончиках пальцев всего несколько крупин, и подкинул крупинцы в воздух. Мои руки создали магические фигуры, чтобы поразить цель.

Требуется немалое умение, чтобы направить пламя в такую крошечную точку. Мне больше хотелось бы подпалить серебристо-светлую щетину на подбородке аббата, чем кончик его сигары.

– Караф, – произнес я, и тонкое, как карандаш, довольно анемичное извержение красного и черного пламени загло кончик сигары.

Судя по виду аббата, его ничуть не впечатлило мое умелое обращение с порошками. Зато он выглядел благодарным.

– О, спасибо горам и океанам, – простонал он, делая длинные затяжки. – Я не сомневался, что погибну прежде, чем испробую одну из этих красоток.

Клубы жгучего серого дыма наполнили воздух между нами.

– Кстати, о надвигающейся смерти... – начал я.

Аббат открыл один глаз и посмотрел на меня так, будто давно забыл, что я до сих пор тут.

– Хммм? А, верно. – Он нехотя вынул сигару изо рта. – Не воспринимай это как личный выпад. Я говорю такое всем недавно прибывшим. «Ты умрешь» – практически так мы говорим здесь: «Здравствуй».

– Кое-кто сказал бы, что это опасный способ приветствовать незнакомцев, – заметил я.

Моя правая рука скользнула в кожаный футляр, пришитый к штанине. После боя с демоном я успел подобрать только две свои стальные карты, но в таком тесном помещении вряд ли промахнусь.

– Люди с Черной Тенью не очень хорошо старятся, Келлен, – ответил аббат, поднеся сигару к узкому окну и постучав ею по раме. Пепел медленно полетел во двор, вниз. – То стигийское уродство, с которым ты помогал мне сражаться, – это был брат Калев.

Прежнее хорошее настроение аббата как будто сдулось.

– Славный был человек. Я всегда думал, что Калев протянет дольше всех нас.

– Мне жаль, – сказал я – скорее рефлекторно, чем искренне.

Неважно, какими бы достойными ни притворялись эти люди, мне приходилось напоминать себе, что они похитили меня и скорее всего намереваются держать здесь как узника. Я не мог позволить себе быть узником, когда мой деловой партнер ожидает, что я его спасу.

Аббат воспринял мои слова буквально:

– Спасибо. И спасибо, что помог мне покончить с ним. Он... Изменения произошли быстро. Никто из нас не ожидал, что он так быстро проиграет бой.

Эти слова породили тысячи вопросов:

«Какой бой? Как происходит трансформация из человеческого существа в демоническое явление? И если с нами случается именно это, значит, мой отец прав? Лучше убить нас всех, прежде чем мы станем опасны для всех вокруг?»

Но я спросил вот что:

– Раз вы испытываете благодарность, как насчет того, чтобы позволить мне покинуть это место, – и будем квиты?

– Ты действительно хочешь вернуться в ту паршивую пустыню, где мы тебя нашли? Когда ватага в семьдесят семь лордов-магов выслеживают тех, у кого Черная Тень?

– Уж лучше так, чем прятаться здесь, в горах, – ответил я. – Хотя, полагаю, прятаться легче, чем встретиться с врагами, которые, вероятно, моложе, сильнее и умнее вас.

На мои вызывающие слова он ответил улыбкой:

– «Моложе, сильнее и умнее»? Это один из тех трюков аргоси, верно? Ты хочешь выбить меня из равновесия, поэтому упомянул обо всем, начиная с моего возраста и способностей и кончая моим интеллектом, просто чтобы посмотреть, среагирую ли я на унижение?

Почти в точку, но его самоуверенность и вправду меня раздражала.

– Нет, просто вы кажетесь старым, усталым и типа как глупым.

Он фыркнул от смеха, и сигара выпала из его рта на сутану. Он подхватил ее прежде, чем она успела поджечь его одежду.

– Ты воистину притягательная личность, Келлен. Стоит ли мне предотвращать попытки Турнама и Бателиоса тебя убить?

– Только если вы считаете, что потеряли недостаточно монахов за один день.

Внезапная вспышка гнева в глазах аббата дала знать, что я зашел слишком далеко. Но он довольно быстро взял себя в руки:

– Ты не лезешь из кожи вон, чтобы понравиться, да?

– А это помогло бы мне побыстрее отсюда убраться? Послушайте, я уверен, ваше аббатство – милое местечко и все такое, но, судя по тому, как вас покрывают метки Черной Тени, полагаю, лекарства от нее у вас нет, а меня ждут дела в другом месте.

Он засмеялся и ткнул сигарой в свою ладонь:

– Ну так иди. Я послал за тобой своих мальчиков по единственной причине: слезы Бателиоса иногда приводят его к Черным Теням, попавшим в беду. Поскольку ты как будто считаешь, что прекрасно справляешься один, иди – и посмотрим, как ты справишься с отрядом боевых магов, не имея ничего, кроме воспламеняющихся порошков и хорошо подвешенного языка.

– В самом деле? Вы позволите мне...

– Еще всего одна просьба, – сказал он, встав со стула. – Сперва поднимись со мной на крышу.

По коже побежали мурашки, которые появляются перед тем, как беседа, начавшаяся с «есть какие-нибудь погребальные ритуалы джен-теп, которые ты хотел бы, чтобы мы проделали с твоим трупом?» заканчивается тем, что кто-то сталкивает тебя с верхушки башни.

– Зачем это? – спросил я.

Твердой рукой аббат толкнул меня к двери, а потом – вверх по чернокаменной лестнице, ведущей на вершину башни.

– Все очень просто. Потому что ты понятия не имеешь, где сейчас находишься.

Глава 18

Башня

Холод на крыше сговорился с моим недостатком теплой одежды, чтобы заставить меня задрожать, когда я устался на странную и удивительную архитектуру аббатства.

Башню, на которой я стоял, венчала круглая зубчатая стена; зубцы доходили мне почти до груди. На четырех выступах (как я понял, они соответствовали сторонам света) были установлены вращающиеся медные сооружения, и к каждому из них крепился квадратный кусок выгнутого черного кристалла фута в два шириной. Я посмотрел сквозь ближайший кристалл и удивился, обнаружив, что это своего рода увеличительные стекла; благодаря им я впервые увидел каждую из семи башен аббатства, не похожих друг на друга. Напротив нас, по другую сторону двора, торчал, как копьё, тонкий минарет футов пятнадцати в поперечнике, увенчанный гладкой изогнутой штукой, похожей на черное пламя свечи. Узкие вертикальные щели, прорезанные по окружности через равные промежутки, позволяли находившимся внутри видеть то, что снаружи, и (как мне подумалось) целиться в потенциальных захватчиков. Третья башня оказалась еще причудливей – с верхушкой в виде гигантской руки, тянущейся, чтобы схватить солнце с неба. Я собирался спросить, как монахи додумались создать такие необычные башни, но тут аббат дал понять, что вопросы здесь задает он.

Хотя я почти ожидал какого-нибудь нападения, меня удивило его проворство, когда он схватил меня за челюсть и подтащил к краю башни, прежде чем я успел дотянуться до своего оружия.

– Кто послал тебя в мое аббатство? – спросил он.

Я старался удержать равновесие, но аббат подталкивал меня все ближе и ближе к краю.

– Никто! Ваши слабоумные монахи притащили меня сюда против моей воли!

Я безуспешно попытался вырваться из его хватки. Проклятье, но этот парень был сильным.

– Милая попытка, но ты разыскивал аббатство прежде, чем Турнам и Бателиос тебя нашли. А теперь хочешь уйти? Там военный отряд, который заплатит бы щедрое вознаграждение за то, чтобы найти это место. Шпион может попытаться обнаружить местонахождение аббатства, изучить его защиту, чтобы доложить обо всем своим хозяевам джен-теп.

Он подался ко мне, от него сильно пахло сигарой.

– Твои метки слишком гладкие и точные, чтобы быть настоящими.

Большим пальцем второй руки аббат потер черные линии вокруг моего глаза, так сильно, что я испугался, как бы он не содрал кожу.

Я завел ладонь под его локоть и толкал вверх до тех пор, пока не заставил выпустить мою челюсть. Были шансы, что за этим последует удар с разворота, поэтому я приготовился уклониться, но удара так и не последовало. Аббат просто стоял, рассматривая свой большой палец, выискивая признаки того, что мои метки стираются.

– Это ничего не доказывает, – сказал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне.

Я боролся с желанием назвать его идиотом и напомнить, что на меня, вероятно, охотятся более щедрые маги, чем любой, проживающий в этом аббатстве. Первый урок Фериус в искусстве убеждать был такой: помни, что самая простая правда обычно помогает продвинуться дальше, чем грандиознейший обман.

– Моя бабушка обручила меня с Черной Тенью, – сказал я. – Вот почему метки выглядят так, как выглядят.

– Невозможно, – огрызнулся он, но потом придвинулся ближе, чтобы взглянуть в мой глаз.

На этот раз он меня не схватил.

– Сукин сын! – выдохнул он. – Или, полагаю, в данном случае – сукин внук.

Он шагнул назад.

– Покажи мне, что ты умеешь делать.

– Я ничего не умею. У меня нет таких способностей, как у тебя или у Турнама. У меня головные боли! И ужасные видения людей, превращающихся в чудовищные версии самих себя. Я иногда теряюсь в Тенях, и, когда это происходит, даже друзья начинают меня забывать. Я был ребенком, и моя собственная бабушка украла мое будущее, даже не сказав почему!

Аббат молчал, словно взвешивая мои слова в поисках обмана.

– Что-то в этом дурно пахнет. Несмотря на чепуху, в которую верят люди, Черная Тень не какая-то там болезнь или яд. Нельзя просто взять и заразить ею кого-то. Мне нужно свериться с книгами, – наконец, сказал он. – Если некая сумасшедшая джен-теп и вправду обручила тебя с Тенью, мне нужно выяснить, как она это сделала и почему. Мы поговорим завтра, как только я...

– Нет, – перебил я.

– Нет?

– Я уже сказал: мой деловой партнер умирает в проклятой пустыне. Пока я здесь попусту трачу с тобой время, он ждет, когда я приду и спасу его!

Аббат напрягся. Даже сквозь рясу я видел, как вздулись мускулы на его руках и плечах. Он хотел меня ударить. Очень хотел.

– Ты забыл, что на нас охотится военный отряд джен-теп? Мои мальчики рисковали жизнью, чтобы доставить тебя сюда, а все, на что ты способен, – это скулить о каком-то потерявшемся питомце. Где твое чертовое чувство долга перед товарищами с Черной Тенью?

Он отмахнулся прежде, чем я успел ответить.

– Нет, забудь. Даже если бы мне не надо было выяснить, что означают эти метки вокруг твоего глаза, я не стал бы рисковать тем, что тебя схватят и ты выдашь местонахождение аббатства. Слишком много жизней на кону.

Страх в моем животе уступил место холодной уверенности. Я потянулся за монетами кастрадази в полах своей рубашки, разрывая удерживающую их нить, в то время как на ум мне пришло полдюжины очень плохих планов побега.

– Ты будешь не первым человеком, который пытается упрятать меня под замок.

Аббат устало засмеялся и поднял руки.

– Сдаюсь, меткий маг, или аргоси, или кем ты там, к дьяволу, себя считаешь. – Он извлек из рясы окурки сигары и незажженным сунул его в рот. – Клянусь, никогда еще меня так чертовски не тошнило от того, с кем я только что познакомился.

Я попятился, медленно продвигаясь к двери, за которой была лестница, ведущая вниз. Теперь я должен был двигаться быстро на тот случай, если он передумает и поднимет тревогу.

– Знаешь, я всегда слышал, что у аргоси есть сверхъестественная способность точно знать, где они находятся. Думаю, они не научили тебя этому таланту, а?

Я резко развернулся. На меня нахлынуло дурное чувство еще до того, как я подбежал к одной из черных линз, прикрепленной к вращающемуся медному приспособлению на вершине одного из зубцов. Я заметил горы вдалеке – они казались такими близкими, как будто можно было протянуть руку и прикоснуться к ним. Одна проблема: все это были незнакомые горы. Я побежал к следующей линзе, нацелив ее в другую сторону, только чтобы передо мной предстал вид, не имеющий никакого сходства с любым местом, в котором я бывал странствуя по континенту. И когда я посмотрел сквозь четвертый кусок выгнутого черного стекла – направленного на восток, – мной овладело ощущение, почти похожее на головокружение. То, что я видел вдалеке, было не землей, а водой. Размером с океан.

– Предки, куда вы меня завели?

Аббат подошел, чтобы присоединиться ко мне у линзы.

– Ты разве не гадал, почему это место не захватили щедрые маги много лет тому назад?

Он взялся за края медной оправы, удерживавшей линзу, и повернул ее вниз.

– Хочешь уйти, Келлен? Просто иди по этой дороге до тех пор, пока она не приведет тебя к подножию горы. Примерно три дня ходьбы на юг – и ты доберешься до деревни, а в сотне миль за ней достигнешь побережья. Пережди зиму, и, если тебе очень повезет, ты сможешь найти корабль, желающий проплыть тысячу лиг на юго-восток.

Он хлопнул меня по спине.

– Добро пожаловать на континент Обскария, Келлен. Погода холодная, еда ужасная, а причина, по которой прибывающие в аббатство никогда отсюда не уходят, – потому что мы находимся в долгом-предолгом пути от дома.

Глава 19

Светлячок

Спотыкаясь, я спустился по лестнице. Последние слова аббата звенели у меня в ушах. Посвященный в магию джен-теп не тратит много времени на изучение дорог или морских путей, но, разъезжая год с Фериус, я узнал достаточно, чтобы сделать примерный расчет: мне понадобится шесть месяцев, чтобы снова попасть на свой континент и вернуться к Золотому Проходу.

Шесть месяцев.

Я провел рукой по подбородку. Я не любил бороду, но все равно, щетина была всего недельной или двухнедельной давности. Как, во имя неба, Турнам и Бателиус доставили меня сюда за такой срок?

– Думаю, тебе закатили речь, да? – спросил кто-то.

Еще прежде, чем я увидел Диадеру, я узнал ее голос, что было довольно странно, поскольку наша встреча была короткой и большую ее часть мы провели, сражаясь с демоном. Она стояла сразу за поворотом лестницы, прислонившись к изогнутой каменной стене, и явно поджидала меня. Каскад рыжих локонов обрамлял зеленые глаза, в уголке рта поселился намек на ленивую улыбку. То, что мое внимание привлекла скорее именно улыбка, чем замысловатая филигрань крошечных черных меток на ее щеках и подбородке, о чем-то говорит. Может, это прозвучит лицемерно, но от вида Черной Тени у меня все переворачивается в животе. Я вырос в обществе, где Черная Тень считалась самой отвратительной из всех болезней, какие только можно вообразить. Здоровому джен-теп полагалось избегать зараженных, чтобы не допустить распространения болезни. На магах лежал долг убивать их. Поэтому хотя у меня самого была Черная Тень и я выяснил, что она – не совсем то, чему меня всегда учили, меня крайне расстраивал вид меток на ком-то другом... стоявшем так близко ко мне.

– Тебе не нравится то, что ты видишь? – спросила Диадера.

Хотя она пыталась скрыть враждебность под легким тоном, я внезапно почувствовал, что нахожусь в большей опасности, чем рядом с аббатом.

Непохоже, чтобы я раньше стоял так близко к имеющим метки. У Сенейры они были, хотя оказалось, что ее метки – нечто совершенно другое. Может, где-то в глубине души я это осознавал, вот почему она не вызвала у меня такой реакции, как эта девушка. А может, у меня ушла секунда, чтобы в точности понять, что я чувствую.

Диадера же реагировала совершенно иначе. Она вгляделась в метки вокруг моего левого глаза, обводя их взглядом, всматриваясь так внимательно, как будто там было написано то, что я упустил за все часы, которые провел, таращась в зеркало. Она протянула палец и коснулась края моего глаза.

– *Здорово*, – сказала она.

Нет. Стоп. Она это не сказала. Она подумала это.

– Какого дьявола происходит? – спросил я, отодвигаясь.

– Наши Тени, – ответила она, подходя ближе и не выказывая ни следа гнева или смущения моим замешательством. – Они обе связаны с Умбра Арканта – это одна из эфирных граней. Я никогда не встречала никого, чьи Тени были бы так близки к моей собственной.

Она постучала по веснушкам на своей левой щеке.

– Ты инспириатор, как и я? Ты можешь заставить свои метки ожи...

– Прекрати! – сказал я. Голос мой стал громче и тоньше. – Я никогда не слышал об этой «Умбра Арканте»! Я понятия не имею, что такое инспириатор.

Предки, почему я вообще с ней разговариваю? Может, я здесь и не узник, но я и не свободен. Я не знаю этих людей и не хочу знать. Если бы я только боролся, когда они меня забирали, может, я сумел бы остаться с Рейчисом и умереть вместе с моим дру...

– Шшш, – сказала Диадера.

Она взяла меня за руку и, медленней, чем раньше, как будто я был испуганным кроликом, поднесла кончики моих пальцев к веснушкам на своей щеке.

– Прости, что прежде я была такой нахальной, – сказала она, ничего не произнося. – Я просто не ожидала такого.

– Я все еще не по...

Она приложила палец к моим губам.

– Просто подумай это.

Я попытался успокоиться, что было трудно. Дело было не только в ее словах, которые я мог слышать. Когда она прикасалась к моим меткам, все мои чувства как будто затопляло ее присутствие. Ее запах. Структура ее волос. То, как она...

– Сосредоточься, – подумала она.

Даже не глядя ей в лицо, я ощущал, что она ухмыляется. А мы едва знали друг друга.

Я снова попытался взять себя в руки. Я так по-настоящему и не выучил арта превис – талант восприятия аргоси, но знал: что-то надвигается.

– Скажи мне, что происходит, – подумал я. – Ты не просто посылаешь слова в мой мозг. Ты морочишь мне голову.

Она кивнула. Ну, не кивнула, но в мыслях моих кивнула.

– Давай начнем с самого начала. Ты, наверное, думаешь, что Черная Тень – страшно злая болезнь, да? Верно?

– А это так?

– О, несомненно.

– Та демоническая хрень возьмет над нами верх?

– Ну, ты видел стигийца во дворе, поэтому знаешь, что так бывает. Но все куда сложнее, чем тебе, наверное, говорили. Черные метки на нашей коже – это своего рода... порталы... для энергий между нашей гранью существования и другими гранями, лежащими далеко за пределами нашей...

– Порталы?

Ее палец постучал по татуировкам на моем предплечье... Нет, она опять-таки ничего такого не сделала. Она просто послала мне это прикосновение.

– Твои татуировки джен-теп связаны с шестью тайными гранями, которые вы называете «песок», «шелк» и «пламя», верно?

– Огонь, – поправил я.

– Неважно. В любом случае думай о Черной Тени как о чем-то вроде своих татуировок, только она связана с дюжинами, а может, с сотнями различных тайных граней. У большинства людей метки приходят из одной или, скажем, дюжин низших граней. Когда их Тени соприкасаются, или, как я делаю сейчас, они прикасаются к меткам на коже другого, их разумы соединяет связь на данной грани. Это звучит разумно?

– Ничуть, – ответил я.

Она убрала пальцы от моей щеки и улыбнулась мне:

– Как меня зовут?

– Диадера. Ты сказала мне это раньше, во дворе.

– Мое полное имя.

– Диадера дан Хестия, – ответил я. – Подожди... Как я...

– Какой мой любимый цвет?

Чтобы ответить, мне даже не пришлось задуматься.

– Зеленый и серебристый. Ты никак не можешь решить, какой нравится больше.

Каким-то образом я знал о ней больше, чем о множестве людей, с которыми рос. Десятки мелких деталей. Что ей нравится и что не нравится. Страхи и желания. Несколько обрывочных воспоминаний, хотя я знал, что большую часть она придержала при себе. А еще я знал, что она ничего не взяла у меня. То, что я о ней узнал, было жестом. Предложением дружбы.

– И твои метки из той же грани, что и мои? Из этой «Умбра Арканта»?

Она кивнула.

– Считается, что она – одна из граней, которые труднее всего контролировать, но я всегда могла заставить свои Тени ожить.

– Потому что ты... инспириатор?

– Именно.

Она снова прикоснулась пальцем к моим меткам.

– *Теперь нам просто нужно догадаться, что ты можешь делать, Келлен джен-теп.*

Становилось все легче делиться с нею мыслями.

– *Ну, я страдаю сокрушительными головными болями и ужасными видениями. Это считается?*

– *Покажи мне.*

Я покачал головой.

– *Нет... Твари, которых я вижу, они... Я не собираюсь их искать.*

– *Жаль. У нас здесь есть девочка джен-теп по имени Сутарей, она – алакратист. Это значит, что ее метки позволяют ей дотягиваться до прошлого и являть его нам. С тобой происходит то же самое?*

– *Нет, если только прошлое не намного отвратнее, чем кто-либо может вспомнить.*

Палец Диадеры начал скользить по линиям вокруг моего глаза.

– *У тебя странные метки. Почти как колесики в замке. Может быть, ты энигматист.*

– *Что умеют делать энигматисты?*

– *Никто не знает. Если не считать пары коротких упоминаний в одной из книг аббата, никто никогда не встречал энигматиста.*

Она убрала палец, что заставило меня почувствовать странное одиночество.

– Пошли, – сказала Диадера, повернувшись к ведущей с башни лестнице. – Я покажу тебе аббатство.

Я не двинулся с места. Мой разговор с аббатом обрушился на меня, напомнив, что я здесь такой же узник, как если бы меня заперли в камере.

– Думаю, для одного дня я повидал достаточно.

Она остановилась и снова повернулась ко мне, переплетя свои пальцы с моими, как будто мы знали друг друга целую вечность.

– Он всем так говорит, Келлен.

Ее лицо приобрело глубоко серьезное выражение, явно не подходящее к ее чертам.

– «Ты умрешь, ты знаешь? Ты будешь с этим бороться, подумаешь, что подчинил ее, но Черная Тень все равно заберет тебя, сын мой. Ты умрешь. Умрешь. Умрешь. Умрешь».

Я всеми силами пытался удержаться и все-таки невольно расхохотался. А расхохотавшись, не сумел остановиться – даже когда смех перешел в никчемные слезы, и всхлипывания сотрясли меня так, что я поскользнулся и шлепнулся на задницу, ощутив острую боль в спине там, где ударился о ступеньку. И даже тогда я не смог остановиться.

Рейчис был мертв. Я бросил его. За целую жизнь осознания своей бесполезности я никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас.

Диадера обняла меня, неуклюже опустившись рядом со мной на колени.

– Все в порядке, Келлен. Я знаю. Я знаю, каково это. Но я даю слово, что теперь у тебя все пойдет по-другому.

– По-другому – это как?

Она взяла меня за руку и приложила ее к своей щеке. Кончики моих пальцев коснулись ее меток, и странная связь между нами снова вспламенилась. Потом Диадера посмотрела на меня своими бледно-зелеными глазами, и, клянусь, она могла бы сказать все, что угодно, и я бы ей поверил, даже если бы она не выбрала те слова, которые мне больше всего хотелось услышать с того дня, как я покинул территории джен-теп.

– Ты теперь дома, Келлен.

Глава 20

Приглашение

Диадера повела меня за руку вниз по винтовой лестнице башни. В конце изогнутой прихожей на третьей площадке она показала на полуоткрытую дверь.

– Это комната для гостей аббатства, – сказала она и добавила: – Если ты хочешь поспать.

Я мог бы поклясться, что слышал, как под конец она слегка повысила голос, как будто задавала вопрос. На секунду уголок ее рта приподнялся в улыбке. Или нет? К тому времени я был так измучен и у меня так мутилось перед глазами, что мне это могло просто привидеться.

Однако стоит провести достаточно ночей в тавернах для путешественников, и вы узнаете, когда люди говорят: «Если ты хочешь поспать», иногда они спрашивают, устал ли ты, а в других случаях – не хотел бы ты спать с ними. Мой народ считает, что намеки – удел поэтов, актеров и прочих презренных типов, поэтому я не очень хорошо разбираюсь в намеках.

Фериус Перфекс однажды продемонстрировала, как простое приветствие, такое как «ну, привет», может передать аж двенадцать различных намеков, от легкой незаинтересованности до откровенной непристойности. Так какой из них я услышал сейчас?

– Келлен? – спросила Диадера.

Проклятье, но она была красоткой. Даже ее теневые веснушки притягивали мой взгляд – то, как они украшают ее щеки, доходя до челюсти, некоторые тянутся вниз по идеальной шее, а последние скрываются под воротником длинного кожаного плаща.

«Если ты хочешь поспать?...»

Нет, она сказала не так. Не совсем так. И с чего бы Диадере вообще интересоваться мной? Мы только что познакомились. Это просто смешно. Вопрос был совершенно невинным. Вот только ладони мои сделались скользкими, а дыхание – необычайно быстрым. Были и другие признаки того, что я тоже ею интересуюсь, хотя я чувствовал, что очень, очень важно не обращать на эти признаки внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.